

Н. КИРЮХИН

ГК 525

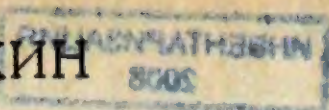
К 483

**Из дневника
командира
1920 год**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1930

Н. КИРЮХИН

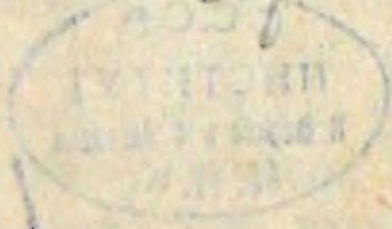

X

ИЗ ДНЕВНИКА КОМАНДИРА

(1920 год)

ИИ

13222

2-2м

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ОТДЕЛ ВОЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА 1930 ЛЕНИНГРАД

К. 715

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

Н. И. Курюхин. — «Из дневника командира». На страницах настоящего дневника правдиво и безыскусственно отображены боевые действия, фронтовая походная жизнь роты в польскую кампанию. В начале дневника показан кусок восточного фронта — борьба с тифозной эпидемией. Книга является продолжением работы автора «Из дневника военного комиссара» (изд. «Военный вестник», 1928 г.). По живости и простоте изложения она вполне доступна для массового не только военного, но и гражданского читателя.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Тифозные дни	3
Западный фронт. Первые бои	16
Поход на г. Мозырь	36
Обуваемся в лапти	43
Ранение. Снова в родном полку	58
Отступление	66
Пробиваться во что бы то ни стало!	81

ГК 525
К 483 P
18222 X

С. С. С. Р.
ИНСТИТУТ
Н. Маркса и Ф. Энгельса
Ц. И. К.

ТИФОЗНЫЕ ДНИ.

6 января 1920 года. Пос. Дьякова, восточнее Н. Уральска. Новый год ознаменовался для Советской России новыми победами. Фронт Деникина разрезан надвое, Донецкий бассейн освобожден. Занят Царицын.

На юго-восточном фронте дело также подходит к концу: остатки ген. Толстова ликвидированы, и красные части находятся в 90 верстах от Гурьева (на Каспийском море), последнего оплота белых.

Наша 3-я бригада 24-й дивизии, после похода в степи, стоит в районе Н. Уральска, ожидая отправки, но куда — неизвестно.

Тиф продолжается, хотя с отходом из сплошь тифозных киргизских аулов болезнь идет на убыль. Командование, партийные организации при содействии местных властей ведут энергичную борьбу с эпидемией. В каждом полку созданы санитарные комиссии из врача, комиссара и председателя комячейки. Борьба ведется как в направлении предупреждения заболеваний (баня, стирка белья, изоляция больных от здоровых, дезинфекция, санитарное просвещение и пр.), так и с самой болезнью (улучшение питания больных, медицинское обслуживание, прививки).

Зашел недавно в один из полков. Там, чтобы вымыть красноармейцев и выжарить белье, были мобилизованы лучшие бани (а они здесь имеются у каждого жителя); субботником заготовили дров, натаскали воды — и баня готова.

Санитарная комиссия решила лечить больных у себя, а не отсылать в эвакупункт (Уральск), который красноармейцы мрачно шутя прозвали «Иван-капут». Это решение нельзя не приветствовать. При нашем скверном обмундиро-

вании, при сильных морозах эвакуация (она производится на волах) угрожала бы многим больным смертельным исходом.

Некоторые комиссии развернули серьезную работу. Они организовали, например, нечто вроде госпиталей при полковых окоlodках для незаразных и добились большой помощи от станичных комитетов в снабжении больных молоком, яйцами и хлебом.

Правда все эти мероприятия недостаточны, но и они сохраняют не одну сотню жизней.

Вся борьба с эпидемией, развернутая частями, начата по инициативе политических комиссаров и партийных организаций. Ни на какую помощь сверху они, конечно, не надеялись и надеяться не могли. Даже местные власти—и те едва ли чем могли помочь полкам, так как во всей области нет ни одной станицы, в которой осталось хотя бы половина населения, а у оставшихся жителей давно уже все что можно—было изъято.

Только на свои силы и средства рассчитывали комиссары и коммунистические ячейки и тем не менее они не опустили руки, не предоставили тифу безнаказно косить дорогие жизни, а со всей энергией вступили в бой с эпидемией.

Предприимчивость, инициатива и умение найти выход из самого трудного положения,—все эти славные качества выковывались в нашем командно-политическом составе с того начального периода, когда сформированная из рабочих и крестьян дивизия не имела даже самого необходимого: оружия, огнеприпасов и транспорта, и когда сама обстановка толкала искать оружие и огнеприпасы у наших врагов.

12 января. Пос. Дьяково: Получен приказ о движении в район Сорочинское (это на жел. дороге Бузулук—Оренбург). Завтра полки выступают.

13 января. Пос. Горбуновский: Прошли 25 верст и ночуем в этом, хотя и большом, но пустом поселке. Как всегда большинство жителей убежало с отступавшими казаками, побросав свои хозяйства или на произвол судьбы, или на стариков и батраков-иногородних.

Пепелища пожарищ напоминают о жестоких боях, недавно происходивших здесь. Неприветливо глядят заколоченные окна покинутых домов; улицы пустынные, безжизненные.

Во многих домах водворились полными хозяевами иногородние батраки. Они, как видно, мало тужат о судьбе своих бывших эксплуататоров, скитающихся сейчас по широким каспийским степям.

— Так им и надо,—говорила жена батрака—хозяйка дома, в котором мы остановились.—Пусть попробуют бедняцкого житья. Пусть поработают за 25 копеек в день, как мы на них работали, не разгибая спины.

— Не отступает ли Красная армия?—с тревогой спрашивали батраки, опасаясь возвращения беженцев, которые конечно не простили бы хозяйничанья в своих домах.

Мы успокаивали, говоря, что фронта здесь давно нет, что остатки белых отступили за море, к Деникину.

16 января. Село Н. Сергиевка. За 14 и 15 января прошли всего 36 верст. Движение затрудняла скверная дорога, совершенно занесенная снегом, и сильный буран. Но сегодня сделали хороший переход в 35 верст. Проходим последние станицы и поселки Уральской области, завтра вступим в Самарскую губернию.

До Сорочинского осталось около 100 верст.

18 января. С. Васильевка. По пути встречались длинные вереницы подвод, двигавшихся в Уральск с подразверсткой. Хлебозаготовка идет, видимо, усиленным темпом. Это подтверждается хотя бы тем, что одна Васильевка сдала 15 000 пудов.

В селах образовались целые склады излишков, свезенных крестьянами, причем мешки с хлебом лежат нередко прямо под открытым небом; в одном селе мы наблюдали даже такую картину: из мешков с зерном была сложена четырехугольная ограда и в нее, очевидно, за отсутствием тары, была ссыпана тысяча пудов зерна, которое заносилось снегом. Естественно, что крестьяне недовольны, видя, как бесцельно пропадает отбираемый у них хлеб.

19 января. Богдановка. Углубляемся в края, которым с начала революции пришлось перенести всю тяжесть граж-

данской войны: реквизиции хлеба, скотины, фуража. В разговорах крестьян все больше чувствуется усталость от войны, желание спокойной, мирной работы. В связи с ликвидацией восточного и южного фронтов среди населения ходят слухи о демобилизации пяти годов, о предстоящем мире и т. п.

25 января. Сорочинское. Это целый город и, по моему, ничуть не хуже Орска или Верхне-Уральска. Прибыли сюда 21 января. О погрузке же до сих пор ничего неслышно.

Условия жизни здесь очень трудные. Все приходится покупать по вольным, безобразно высоким, ценам. Пуд муки стоит 300—400 рублей, пуд соли—4 000 рублей, свиное сало—200 рублей фунт, масло—300 рублей фунт, мясо—50 рублей фунт.

Два дня хлопотал с бригадным врачом о лазарете. Нужно было найти помещение, обеспечить его дровами, светом, водой и пр. Все это достали, как говорят, «большой кровью». Из Совнархоза посылают в Жилищный отдел, из Жилищного отдела—в Исполком, оттуда в Райпродком и т. д. Ходишь, ругаешься, требуешь, а результаты ничтожны. Так или иначе, но нам удалось открыть бригадный лазарет.

Тиф хотя и не прекратился, но количество больных незначительно; да и некому болеть: в каждом полку осталось по 300—400 человек. Но эпидемия свирепствует среди гражданского населения. В каждом доме—тифозно-больные. Особенно страдают политические беженцы.

Заведующий земской больницей сетовал на то, что все его забыли, нигде ничего не добьешься: ни Исполком, ни Совнархоз не дают дров, соломы, нет освещения. Среди больных есть красноармейцы 215-го полка. Жалуются, что холодно и жестко спать (на голых досках). Приказал перевести их в бригадный лазарет, где конечно более хороший уход и питание.

Сегодня на заседании Волисполкома приняты мои предложения о расширении местной больницы, о мобилизации медицинского персонала, занимающегося лишь частной практикой, о подвозке дров для бани и в первую очередь

для лазаретов. Образована санитарная комиссия. Решено поставить на общем собрании села вопрос о самообложении для создания фонда борьбы с тифом.

Словом—дело с мертвой точки сдвинули.

Сегодня подал командиру бригады рапорт о желании перейти на командную должность в 214-й полк. На политической работе я проработал уже 15 месяцев и считал, что буду более полезен Республике на строевой работе, так как в царской армии в конце войны я занимал должность фельдфебеля пулеметной команды.

15 февраля. Сорочинское. Сегодня коммунисты штаба бригады и 215-го полка (всего 125 человек) ходили на воскресник. 20 человек были на элеваторе на погрузке зерна, остальных направили на вокзал на очистку путей. За три часа дружной работы нагрузили 15 вагонов снега и скололи лед на участке 100 сажен пути.

16 февраля. Начали регулярно получать оперативные сводки. Красная армия успешно ликвидирует фронты. Наши заняли г. Иркутск.

В восточной Сибири переворот: правительство Колчака свергнуто, причем сам Колчак арестован. Сейчас там образовано временное революционное правительство, которое постановило войти в соглашение с советской властью о мире.

Все боевое имущество, присланное Антантой для борьбы с нами, попало в руки красных.

Южного фронта как такового, не существует. Остались Кавказский фронт (от г. Новороссийска до г. Кизляра) и юго-западный (от Одессы до Житомира). На западном фронте серьезных операций нет.

По всей Советской республике с успехом проводятся недели фронта, топлива и транспорта.

17 февраля. Ежедневно уходит много времени и сил на поддержание деятельности нашего бригадного лазарета. Все попытки врачей достать что-либо из местных средств наталкиваются на различные препятствия, и только с помощью местной партийной организации и Исполкома удается добывать необходимое.

Недавно пришлось прибегнуть к облаве на базарные

подводы, чтобы подвезти дров для здешних бань, не работавших много месяцев.

18 февраля. В штаб бригады ежедневно являются добровольно десятки дезертиров. Комендантскую команду штабрига, укомплектованную до 100 человек, направляем по частям. В самом Сорочинском дезертиров уйма, но местный комитет по борьбе с дезертирством спокойно почирует и даже его собственная команда наполовину дезертировала.

21 февраля. В связи с праздниками на улицах села песни под гармошку, веселье, пьяный шум, «масляничное» катание местных советских работников и даже каких-то военных, и это в то время, когда нет подвод, чтобы подвезти дров в больницу и в наш госпиталь, когда все сидим на голодных пайках.

По договоренности с председателем Исполкома, секретарем Волкома и командиром бригады посланная мною комендантская команда в самый разгар веселья оцепила улицы, а я вместе с несколькими конными разведчиками стал задерживать катающихся. Удалось задержать 20 с лишним подвод, большей частью парных с хорошими лошадьми и несколько троек. Военные оказались комиссарами 1-й Орловской закупочной комиссии.

Седоков, переписав их фамилии, отпустили; подводы были использованы для подвозки дров в госпиталь.

22 февраля. Сегодня в воскреснике участвовало 120 человек, из них 30 беспартийных. Работали с большим подъемом: за два часа расчистили более 200 кв. сажаней железнодорожного пути.

23 февраля. По случаю двухлетней годовщины Красной армии состоялся парад, который прошел впрочем неудачно. Из гражданского населения в параде приняли участие не более 200 человек и то главным образом советские служащие. С перестроениями и церемониальным маршем получилась вермишель: «кто в лес, кто по дрова». За два года боев наш комсостав, хотя и состоящий в большинстве из офицеров старой армии, растерял до известной степени премудрость строевых учений.

29 февраля. Третьего дня удалось раскрыть злоупот-

ребления в отделе снабжения бригады. Начальник снабжения Кондырев пьянствовал и халатно относился к своим обязанностям. Дело дошло до того, что член закупочной комиссии продавал казенных лошадей частным гражданам. Я произвел расследование и сдал дело начальнику Особого отдела бригады.

5 марта. Получил ответ на свой рапорт: командир бригады переводит меня в 214-й полк на должность не ниже командира роты. Вопрос с побригом согласован и меня отпускают.

10 марта. С. Мирюбовка.—Я снова в своем родном полку. Командир полка т. Мигин встретил меня тепло и предложил мне на выбор 1-ю, 8-ю роты или 1-ю пулеметную команду. Я принял 8-ю роту, которая при мне была самой боевой, сознательной ротой, сформированной из освобожденных из тюрем при взятии нами Симбирска пленных красноармейцев бронепоезда т. Полупанова.

После обильной жатвы, которую собрал у нас в полку тиф, рота насчитывает всего 18 человек. Такая малочисленность—общее явление. 7-я рота например имеет только 12 бойцов, а саперная команда—6.

11 марта. Знакомлюсь с делами и хозяйством роты. Канцелярия в полнейшем беспорядке: многих дел нет, остальные до крайности запущены. Удивляться этому не приходится. Писарь роты—бывший телефонист, научившийся грамоте самоучкой, не имеет никакого понятия о канцелярской работе.

До меня ротой командовал тов. Ростов, поступивший в полк добровольно после взятия Самары, в октябре 1918 года. Бывший унтерофицер, отважный и хладнокровный в боях, он в отношении грамотности тоже был не силен. Я начал с его помощью разбираться в хозяйстве. За ротой числится много имущества, оружия и снаряжения, которого в роте нет. Часть обмундирования увезена больными, но своевременно не была исключена, оружие сдано, но тоже не исключено и т. д. Привожу все понемногу в порядок.

15 марта. Сегодня партийное собрание полка по моему докладу о положении транспорта и о наших задачах

вынесло предложение о помощи транспорту рабочей силой по очистке путей.

В полку начались занятия с красноармейцами. Со своей ротой я занимаюсь главным образом изучением Внутреннего, Гарнизонного Дисциплинарного уставов, изучением винтовки; кроме того провожу строевые занятия. Хуже всего то, что бойцы не сознают нужности и важности изучения уставов.

— Два года боролись без всяких уставов и победили... Учите нас лучше тому, что нужно на фронте, а не тому, как нужно жить в казарме или шагистике.

Красноармейцы выражают большое желание изучить пулемет, чему я, как пулеметчик, охотно пойду навстречу.

25 марта. По ротам распределили прибывшее в полк пополнение из дезертиров и теперь у меня 26 человек.

С 9 до 12 часов проводятся строевые занятия (уставы или стрелковое дело), а с 2 до 3 часов—политическая грамота.

Начали изучение «Максима» и «Кольта». Красноармейцы чрезвычайно заинтересовались этим делом и занимаются на редкость внимательно. Недавно, во внеучебное время прочитал красноармейцам брошюрку «Что такое танки и как с ними бороться» и «Я—разведчик». Книжки написаны простым, ясным языком, с примерами и всем понравившись.

Политическую грамоту провожу сам, так как политруков в полку нет. Никаких программ политзанятий нам почему-то не прислали. Обыкновенно я читаю что-либо из популярной политической литературы, например «Кто такое коммунисты», «Церковь и школа в Советской России», «Хитрая механика» и т. п.

Прочитав страницы, подробно разъясняю, отвечаю на вопросы, а если их нет, то и сам спрашиваю. Некоторые красноармейцы запоминают очень недурно и толково отвечают на вопросы. Охотнее всего слушают о сельском хозяйстве, особенно о сельскохозяйственных коммунах. Здесь активность необычайная, вопросов бездна, только успевай отвечать.

В общем политической грамотой красноармейцы инте-

ресуются больше всего. Ко мне на политзанятиях частенько приходили стрелки других рот, и иногда у меня собиралось 35—40 слушателей.

С командирами взводов приказано заниматься отдельно, но признаться я сам не знаю, с чего здесь начать. Занялись уставами, с которыми и комсостав плохо знаком.

27 марта. Политическая работа в полку идет хорошо. В комячейке 150 человек, т. е. 23% всего состава полка (650 чел.). Ячейки имеются почти во всех ротах и командах. В моей роте из 26 человек—7 партийцев. В каждом батальоне организованы клубы и библиотеки.

Помимо занятий полковая ячейка основательно эксплуатирует меня по части разных докладов, лекций и пр. За последнее время провел следующие доклады: 1) о сельскохозяйственных коммунах, 2) о свободе совести, 3) о церкви в школе Советской России, 4) о Конституции, 5) о Февральской революции, 6) о Парижской коммуне.

29 марта. Ходят упорные слухи о переводе дивизии на трудовое положение. Еще до моего приезда в полк во всех частях побывала специальная комиссия из штаба трудфронта, инспектировавшая бригаду о целях перевода на трудовое положение.

Красноармейцы и командно-политический состав ропщут:

— Довоевались, нечего сказать! Неужели после двух лет войны нельзя дать отдохнуть, а сразу за работу. Лучше бы уж на фронт!

Действительно, при малочисленности полка перевод его на трудовое положение не обещает большой пользы. Ведь обслуживающий аппарат нужно иметь в одинаковом составе, что на 2000 человек, что на 300 человек. Вот почему у нас в полку на 320 строевых приходится 300 человек хозяйственников и вообще нестроевых. Переводу на трудовое положение препятствует также отсутствие обуви и обмундирования. У меня в роте 80% совершенно босых бойцов, больше половины—без шинелей, а о белье и говорить не приходится: оно у всех изношено до последней степени.

Теперь о продовольствии.

Мы получаем паек из Отдела снабжения и улучшаем его экономией полка, которая состоит из 1 000 пудов муки и 450—500 пудов мяса. Экономии эту удалось получить в результате похода в Киргизию, где можно было купить мяса в любом количестве и ниже твердой цены. Муки съэкономили вследствие того, что из полка выбыло много больных. О всех этих излишках Отдел снабжения ничего конечно не знал, иначе они были бы у нас отобраны.

Такое положение с продовольствием позволит нам давать на работе увеличенный паек в течение 2-3 месяцев, а затем придется перейти на нормальный, совершенно недостаточный паек.

30 марта. Плохо дело с объемистым фуражем для конского состава. В этом селе фуража не имеют и сами крестьяне, они дано уже кормят скотину соломой. Командир полка распорядился отправить всех лошадей в район, богатый сеном—в с. Боголюбовку (в 30 верстах от нас). Туда же направляют завтра и мою роту для поддержания порядка и борьбы с дезертирством и самогонованием.

6 апреля. С. Боголюбовка. На переход 30 верст потратили 2 дня. Дорога испортилась в конец: небольшие ручейки, овражки и низины, не представлявшие ранее никакого препятствия, теперь едва проходимы. У самой деревни с большим трудом переправились через речку, вода в которой поднялась на 1½ аршина.

Село большое—400 с лишним дворов. Здесь кроме лошадей нашего полка стоят лошади саперной роты.

10 апреля. Приступили к тактическим занятиям в поле: прорабатывали наступление и оборону. Красноармейцы занимаются с увлечением и даже больше положенного времени. Учили их маскировке, связи и разведке, умению пользоваться каждым укрытием, выбирать себе в обороне позицию с хорошим обстрелом и наблюдением.

Красноармейцы довольны.

— Вот это действительно нам нужно... Не то что уставы. Если бы мы все это знали, то и потерь в боях было бы меньше.

Однако я не оставил изучения уставов. Гарнизонный

устав стали изучать на практике: расставляли на площади около домов и церкви различные караулы, поверяли знание часовыми своих обязанностей, сменяли посты и т. п. Это оживило и облегчило изучение гарнизонного устава.

В здешнем селе оказалось много дезертиров, осевших после ликвидации восточного фронта и даже прибывших с других фронтов. Местный комитет по борьбе с дезертирством спит. На мою просьбу дать списки дезертиров мне назвали фамилии 2-3 человек.

— Больше у нас дезертиров нет, да и эти кажется уехали,—уверял председатель.

Пришлось приняться за работу самостоятельно. В ночь на сегодня я произвел облаву только одной части села и задержал 12 дезертиров, которые выдали еще 4. Наиболее злостных держу под арестом, а 10 человек отдал на поруки совету, впредь до вскрытия реки, когда можно будет всех их отправить в бригаду.

В эту же ночь накрыл группу картежников, игравших на деньги. Всех игроков посадил на несколько суток под арест, а деньги сдал сельсовету.

Самогонщиков накрыть никак не удастся, да их в селе кажется действительно нет. Самогонку привозят из других сел, главным образом чувашских.

Политзанятия, проводимые мною с красноармейцами в школе, привлекают много крестьянской молодежи и даже стариков и превращаются нередко в шумные собрания-диспуты.

Сегодня подхожу к школе, а там уже два старика сидят, дожидаются. Спрашивают:

— Ну как, товарищ начальник, о чем сегодня говорить будем? Уж больно охота послушать. Живем как в пустыне—ничего не знаем...

— Сегодня о Конституции,—ответил я,—о главных законах, по которым мы живем.

— Ты бы рассказал чего-нибудь по нашему делу, по крестьянству... Насчет разверстки, земли или вот о «Коммунии», а то болтают, хотят силой загонять в нее. Неужто правда?

Крестьяне, присутствующие на занятии, не уступают

в активности красноармейцам. Правда, их вопросы зачастую совершенно не относятся к разбираемой теме, но поскольку они жизненны для крестьян, приходится и на них давать ответы. Задаются главным образом следующие вопросы: «Почему у крестьянина продукты отбирают, а что ему нужно—не дают? «Почему сельскохозяйственным коммунам отрезают лучшие земли и бесплатно дают инвентарь? «Почему семьям призванных красноармейцев не дают пособия и не помогают в уборе хлеба»?

Ответы видимо удовлетворяют крестьян. Сегодня они просили меня провести специально для них беседы о коммунах, о земле, о боге и о программе коммунистической партии.

12 апреля. В школе устраиваем клуб для красноармейцев и крестьян. Делаем сцену. Материал отпустил совет, а плотничают сами крестьяне с красноармейцами. Комиссар прислал плакаты и библиотечку.

Сегодня задержал еще 18 дезертиров и всех, с ранее пойманными, отправил в полк.

13 апреля. Завтра еду в полк за жалованием. Что-то нездоровится: болит голова и всего ломит.

11 мая. Команда выздоравливающих в Самаре. Отбыл тифозную повинность. Заболел по дороге в полк, куда ехал за жалованием. Скрутило меня так быстро, что я не мог сделать верхом и 30 верст; полпути пришлось ехать на подводе. Помню, в штаб полка я вошел уже сильно пошатываясь, но все еще не предполагал серьезного заболевания. По настоянию Мигина лег в полковой околоток, где врач сразу определил, что у меня сыпняк. Не может быть, думал я, чтобы теперь, когда весь полк уже переболел, когда я благополучно вернулся из тифозного очага—из киргизских аулов, когда и среди населения эпидемия почти-что прекратилась, когда полк находится в сравнительно хороших жизненных условиях,—чтобы теперь заболеть!

Однако уже на другой день на теле показалась сыпь. Сомнений больше быть не могло.

Два дня спустя меня пришел навестить т. Мигин, который между прочим сообщил, что есть приказ о спешной

погрузке (в три дня). Я попросил не сдавать меня в госпиталь, а везти с эшелоном, потому что очень уж не хотелось расставаться с полком. Тов. Мигин обещал исполнить мою просьбу. Как меня везли на станцию, как я в горячке и в жару чуть не застрелил крестьянина, отказавшегося везти меня и требовавшего смены, как погрузили в вагоны — не помню, ибо был без сознания. Только перед Самарой в вагоне-изоляторе я немного очнулся и, словно сквозь сон, вспоминаю, что фельдшера отпаивали нас камфарой. 21 апреля эшелон прибыл в Самару. Так как санитарная комиссия станции не пропускала на запад ни одного заразно-больного, нас повели в станционный приемник. Дорогой меня нагнал адъютант командира полка и, попрощавшись, шепнул, чтобы я по выздоровлении ехал в полк, который направляется в г. Речицу.

Через несколько дней меня перевели из распределителя в 242-й госпиталь, в город. Ехать туда пришлось на санитарной повозке. Тряска немилосердная. Громыхая колесами, двуколка двигалась по каменным мостовым, заваленным кучами навоза, мусора и грязи.

Из госпиталя, где я находился около 18 дней, меня послали сегодня в команду выздоравливающих. В свою часть обещали направить лишь через две недели.

От госпиталя до казарм (версты 4—5) шли пешком; даже под вещи подвод не дали. Чувствую страшную усталость.

12 мая. Команда выздоравливающих. Питание здесь не особо важное, но все же лучше, чем в запасном полку, который стоит недалеко отсюда. Хлеба выдают два фунта, в обед — горячее, на ужин — каша.

Занятий конечно нет. В команде со мной один красноармеец нашего полка т. Карташев, и мы вместе покупаем кое-что из продуктов на продаваемое барахло.

15 мая. Встал на учет в комячейку команды. Среди выздоравливающих никакой работы не ведется. Ни клуба, ни библиотеки нет, и казармы пусты, так как больные приходят в них лишь на обед и на ночевку.

По словам начальника команды всех выздоравливающих направляют обычно в запасный полк, а не по своим

частям. На меня это сообщение подействовало самым угнетающим образом. Перспектива быть направленным в запасный полк, а оттуда с какой-либо маршевой ротой дезертиров—на фронт, мне совершенно не улыбалась. Со своим полком я сроднился за два года боевой работы, с ним связаны лучшие воспоминания, в нем все знакомы, начиная от командира полка и кончая красноармейцем. По моему в запасный полк следует направлять тех, чьи части расформированы или стоят в тылу, но не фронтовиков, которые ценны в своей части. Решил принять все меры к тому, чтобы не попасть в запасный полк. В крайнем случае «самотеком», но доберусь до своей родной дивизии!..

25 мая. Сегодня опять ходил на комиссию. Хотели оставить еще на две недели в команде, но я категорически отказался, настойчиво упрасывая направить меня в свою часть.

Но ничто не помогло. Комиссия утвердила перевод из команды выздоравливающих в запасный полк. Та же участь постигла и Карташева, и мы решили завтра же дать «деру», но, как говорят, «товарищ случай» выручил. Вернувшись с комиссии, я пошел в околоток с потертой ногой. Меня сразу узнал леклом, когда-то работавший в нашем полку. Разговорились. Узнав о моем горе, он засмеялся.

— Э, товарищ Кирюхин, это ерунда! С фронта трудно уехать в тыл, а с тыла на фронт—в три счета. Давайте ваши документы, а завтра я вам все устрою.

Обрадованные и успокоенные мы с нетерпением ждем следующего дня. Начальник команды уговаривал меня остаться, предлагая мне должность комиссара команды; но я, поблагодарив его, попросил не удерживать меня, и он отстал.

ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ. ПЕРВЫЕ БОИ.

3 июня. С. Борщевка. Прибыл сюда из лазарета третьего дня. Еще на ст. Гомель встретил знакомых из дивизии, от которых узнал много интересного и печального.

Сейчас же после прибытия бригады в Гомель начались упорные бои. Особенно сильно пострадала бригада в ожесточенных атаках на гор. Речицу, взять которую так и не удалось. Личный состав причину неудачи видит в неискусном командовании начдива 57, которому подчинена наша 3-я бригада.

Большие потери, особенно в рядах комсостава, бригада понесла также в тяжелых боях под г. г. Лоевым и Моховым. С грустью узнал о смерти командира полка т. Мигина. В бою под г. Моховым он с двумя ординарцами бросился на польскую батарею, на галопе отступавшую из города, захваченного нашими, и его сразила случайная пуля отстреливавшихся ездových. Убит смелый честный командир I батальона т. Кашицын, пользовавшийся большой любовью красноармейцев. Погиб, как подобает коммунисту, политрук 1-й роты т. Коган, шедший в атаку впереди роты и буквально перерезанный пулеметом белополяков.

Тяжело ранены командиры рот тт. Павличенко и Дубровский.

Всего выбыло из строя более половины полка.

Старые ребята с восточного фронта встретили меня тепло, я хорошо знаком им по всей прежней работе комиссара полка.

Красноармейцев старых—процентов 20—25, остальные все новички, пополнение, полученное бригадой по прибытии на западный фронт. С такой прослойкой старых обстрелянных бойцов на мой взгляд можно успешно вести воспитание молодняка в духе славных боевых традиций полка.

Полком командует т. Несцер—бывший помощник т. Мигина, комиссаром—т. Войшицкий.

Войшицким в полку недовольны и ждут не дождутся, когда его от нас возьмут.

— Это чиновник какой-то, а не комиссар,—отзывались о нем стрелки,—к нему без дела не приди... Говорить не умеет—заикается, ребята смеются над ним.

Моя рота, которой временно командует т. Ростов, насчитывает 35 штыков. Старых бойцов человек десять, ос-

тальные все погибли в кровавых боях под Речицей и Моховым.

Взводные все ранены: Баландин—в голову, Земцев и Попов — в руки; большинство отделенных тоже выбыло из строя.

Про поляков говорят, что дерутся хорошо, стойко... С казаками нельзя равнять, особенно с оренбургскими, с которыми дралась наша дивизия на восточном фронте. Вообще западный фронт считают совсем другим, чем прочие фронты. Оно собственно понятно: тут противник хорошо вооружен и обмундирован на деньги наших бывших союзников.

На восточном фронте легче было,—говорил мне один знакомый командир роты,—конечно и там были тяжелые времена, но все-таки сопротивляемость белых была меньшей. Помните? Подойдем, бывало, ротой или батальоном к деревне, похлопаем из винтовок и пулеметов с дистанции 1—2 версты, глядишь—казаки как вороны из деревни вылетают, отступают... После узнаешь, что белых целый полк был, в 500—600 сабель. Здесь иначе. Штыками приходится выковыривать поляков из окопов. И лезут они на огонь нехуже наших. Правда и у них бывают слабые части, ну а все же не сравнивать. Когда мы прибыли сюда, то думали: А чего тут! Крой их, товарищи... Айда вперед! Ура-а-а! И бежим, бывало, на поляков цепью в батальон или в полк, безостановочно, во весь рост, не пользуясь лопатой. «Испугается, --думаем, убежит не выдержит». До поляков еще полверсты, а мы уже в атаку. Пулеметы отстали, стрелки запыхались, а поляки только в это время и открывают огонь из пулеметов. И крошат нас на близком расстоянии, как мух... Ну понятно, наши назад. Вот вам и «ура». Нет, думаем, здесь нельзя драться так, как дрались на восточном фронте. Что же вы думаете? Неделю—две спустя, начали наши привыкать. Глядишь и окопы в рост появились, и перебежки начали применять во время наступления, о лопате вспомнили и на ружейно-пулеметный огонь стали смотреть, не как на «средство морального воздействия»...

Население здесь преимущественно белорусское, живет бедно; занимается земледелием, но хлеб родится плохо, и жители питаются главным образом картошкой и продуктами молочного хозяйства. Поэтому хлеба достать трудно. Если крестьянин и продает что, то просит товар, но не советские деньги, которых у каждого зарыто в землю фунты и даже десятки фунтов. Крестьяне боятся, что могут прийти поляки и тогда советские деньги потеряют ценность.

Советская власть мобилизовала здесь мужское население до 35 лет, но большинство не служат, а скрываются по лесам. В одной только Борщевке около 70 дезертиров, и не помышляющих о явке в комиссариат. Кроме того многие попристроились на железной дороге, «окопались» в милиции или даже в советских учреждениях.

Здесь жители власти панской не хотят, потому что поляки беспощадно грабят население, отбирая хлеб, скотину, подводы, одежду и даже домашние вещи, как например самовары для господ офицеров или мебель для их клубов. Помимо всего этого крестьяне сознают, что за поляками возвращаются помещики, и не только сознают, но и испытали это на своей спине. Они хорошо понимают, что им придется отвечать за разгромленные усадьбы, порубленные парки, рощи и леса, за растасканные сельскохозяйственные машины и уведенный скот. Помещики в случае возвращения сторицею возместят за все уничтоженное и растащенное и при помощи услужливых польских штыков сумеют вернуть все убытки с процентами. Все эти крестьяне отлично понимают.

Но с другой стороны они и к нашей власти относятся не вполне дружелюбно. Крестьянство недовольно продразверсткой, мобилизацией молодежи в Красную армию, отсутствием свободы торговли, нехваткой товара и тем, что нет твердых денег. Так и стоит население, как мне кажется, на перепутьи, не зная, к какому берегу пристать и кому отдать все свои симпатии, а следовательно и помощь.

Наш полк занимает сейчас позицию под самой Речицей, в которой засели белополяки. Этот город совсем недавно был в руках красных, но стоявшая здесь до прихода нашей бригады часть отступила и так поспешно, что не успела даже взорвать мост через Днепр. Теперь поляки делают отчаянные попытки пробиться к Гомелю и занять его. Однако до сего времени все эти попытки разбивались о стойкость нашей бригады, которая не только отражала наступление противника, но и сама неоднократно атаковывала Речицу. Бригада пользуется здесь большим почетом. Рассказывают, что жители, узнав о прибытии бойцов Симбирской железной дивизии для защиты города, говорили:

— Не видать теперь «панам» Гомеля, как своих ушей! Идут сибирские войска...

Первые же успешные бои еще более укрепили убеждение поселения в том, что город отстаивают почему-то именно сибиряки; отношение к нашим частям быстро стало улучшаться, что чувствовалось даже в повседневных мелочах.

В ночь на сегодня нас разбудила сильная ружейно-пулеметная стрельба на участке полка. Тов. Несцер, соединившись по телефону с батальонами, выяснил, что поляки воспользовались темной безлунной ночью и атаковали участок III батальона. Стрельба продолжалась 20—30 минут, потом все стихло.

Командир III батальона т. Курганский донес, что атака поляков отбита. Утром прибыли раненые, преимущественно 7-й и моей, 8-й, рот. Среди них два самострела. Одного я знаю—это отделенный командир Карташев, добровольно вступивший в полк, когда мы стояли на отдыхе в Самарской губернии.

Оба были уличены самими красноармейцами, которые, выдав самострельщиков командиру роты, возмущенно требовали расправы над ними своим судом; только после вмешательства комсостава, самострельщиков удалось спасти от самосуда. Я лично впервые встретился с подобным

явлением: у нас на восточном фронте самострелов совершенно не было.

Живу пока при обозе I разряда, соблюдая строгое предписание врача о недельном отдыхе для поправки здоровья после сыпняка. Сейчас тем только и занимаюсь, что хожу от знакомых к знакомым и везде до отвала ем. Аппетит—необыкновенный! Чувствую, что силы мои с каждым днем восстанавливаются. Скоро отправлюсь в роту.

4 июня. Утром нас разбудило какое-то странное жужжание, доносившиеся с воздуха.

Гигантская блестящая металлическая птица плавно парила на высоте 400—500 м, описывая большие круги, словно высматривая и выбирая себе жертву. По улицам бестолково забегали испуганные жители, ища укрытия, и село быстро опустело, притихло.

Вдруг шелестящий свист прорезал тишину, а через несколько мгновений где-то недалеко раздался сильный взрыв. Польский самолет начал бомбежку...

Тоскливо посвистывая, разлетались в разные стороны осколки, ковыряя землю, врезаясь в заборы, стены домов и амбаров и рани случайно подвернувшихся людей и животных.

Бомбы, падая одна за другой, разрывались в разных концах села. Одна из них разорвалась рядом со штабом полка, во дворе крестьянина, разрушив амбар и поранив скотину. На улицах там и здесь чернели воронки вывороченной земли; неприятно пахло газами взрывчатого вещества.

Покружившись, сбросив десятка полтора-два бомб, самолет повернул на запад и вскоре скрылся из вида. Пропало волнующее, несколько трусливое чувство; исчезло опасение, что вот-вот бомба разорвется обязательно около меня. Все это, я думаю, с непривычки: на восточном фронте мы очень мало имели дело с самолетами белых, а с бомбежкой и вовсе никогда—отсюда и неприятное волнение.

На улицах показались жители—поглазеть на места взрывов и на разрушения. Ребятишки и женщины по обыкновению первыми спешат удовлетворить свое любо-

пытство; они собираются кучками, галдят, делятся впечатлениями о пережитом страхе.

В догонку улетающему стальному коршуну долго еще слышались одиночные бесполезные выстрелы обозников и других нестроевых, воспользовавшихся случаем пострелять хотя бы в небо...

Радостная для всех новость: наша бригада возвращается в родную 24-ю Железную дивизию, штаб которой, как говорят, уже прибыл.

По слухам прибыла и 2-я стрелковая бригада нашей дивизии, находившаяся, с момента ликвидации восточного фронта, на юге.

По приказу нас сменяет завтра 169-я стрелковая бригада (57-й дивизии), а мы должны уйти в район г. Лоева, что в 50—60 верстах южнее Речицы; 2-я бригада уже направлена туда, так что вместе будем действовать в составе родной 24-й дивизии.

Среди красноармейцев ликование: наконец-то!

5 июня. Сегодня полк не выступил, так как части 169-й бригады сменили нас только к вечеру. Части эти вооружены очень плохо: винтовки русские, германские, австрийские Манлихер, патронов к ним недостаточно, да и снабжение стольких систем затруднено. Пулеметов немного, по 2-3 на батальон. Транспортных средств почти совершенно нет—все передвигаются на крестьянских подводах. Настроение поганое...

Часть кажется мне мало боеспособной. Правда, мы не видели других бригад этой дивизии, но думается, что и там дело обстоит не лучше.

Сегодня был у командира нашей бригады т. Устинова, своего старого знакомого: еще в 1918 г., когда он командовал 214-м полком, я был у него военкомом.

Полевой штаб бригады помещается в железнодорожной будке, несколько позади окопов первой линии. Многочисленные провода полевого телефона сбегаются к будке со всех сторон и путаются над большим столом, уставленным фоническими аппаратами. Это—телефонная связь с полками...

Тут же постукивает Морзе—связь со штабом дивизии.

На другом столике измазанная синим и красным карандашом трехверстка.

— Да вот, дружище, повоевали,—с горечью говорил мне Устинов,—бригада прибыла сюда, имеем 3 000 штыков, а сейчас осталось 1 000... А добились чего? Напрасная трата людей! Дали бы самостоятельный участок бригаде, было бы лучше... Разве Речицу нельзя взять? Можно. Только не так и не здесь нужно было действовать. Ну, да ладно. Теперь к счастью мы уходим из этой дивизии....

И действительно: трудно оправдать подчинение полнокровной боеспособной бригады дивизии, весь состав которой равняется 1-2 полкам нашим. Не лучше ли было дать задачу на занятие г. Речицы одной, нашей бригаде? Ведь все равно части 57-й дивизии не играли значительной роли в боях под Речицей, которые всей тяжестью легли на плечи 214-го, 215-го и 216-го полков.

8 июня. С. Весеякон. Утром прибыли на место назначения и сейчас стоим в дивизионном резерве. Благодаря хорошей погоде, весь переход в 130 верст мы проделали в полтора суток; почти вся дорога шла лесом. Такая быстрота объясняется тем, что полпути пехота ехала на пароходе по р. Сож, обозам же пришлось двигаться кружным путем по шоссе Гомель—Чернигов, так как вдоль Днепра ехать опасно: правый берег у белополяков.

Сведений от 2-й бригады не поступало, поэтому неизвестно заняла она гор. Лоев или нет. Крестьяне рассказывают, что два дня назад на Днепре слышалась артиллерийская стрельба.

В штабе полка есть сведения, что на фронт прибыли испытанные в боях кавалерийские части героя восточного фронта Каширина, которые уже успешно участвуют в операциях.

В настроениях красноармейской массы нашего полка я еще не успел разобраться: народ все новый, совершенно мне незнакомый. Однако и за тот короткий срок, что я нахожусь в полку, все же кое-что подметил. Так, например, мне сильное опасение внушает группа красноармейцев-дезертиров Рязанской губернии, присланная пополнением всего неделю назад. Боюсь, как бы не разбежались

перед первым же боем... Надо будет поглядывать за ними; твердо решил, в случае чего, не останавливаться перед самыми суровыми мерами. С самого начала надо показать себя энергичным и решительным, а не идти в хвосте за ротой, как это делают некоторые командиры рот, покупающие авторитет дешевой ценой.

От болезни я оправился, отъехал здесь, в обозе, пора и за работу. При обозе жить конечно можно, ибо он размещается в 5—6 верстах, а то и дальше от первой линии, в какой-либо деревушке или хуторе—тепло и не дует,—в то время как стрелки проводят ночи в холодных, сырых окопах.

Каптенармус моей роты, т. Рыжиков, старшина Шонайло, писарь и кашевары,—все они подкормились около кухни и видно, что «страдают» сильно.

Стрелки, пройдя около 50 верст пешком, переутомились и рассчитывали на день-два отдыха, как вдруг перед вечером было получено приказание приготовиться к дальнейшему походу.

Я уже принял роту от Ростова, который теперь выполняет обязанности моего помощника. Ходил в штаб батальона, где узнал положение дел. Обстановка такова: кавалерия т. Буденного и части 12-й армии прорвали фронт под Киевом и гонят противника. Наша дивизия перебрасывается для содействия и развития достигнутого успеха.

Отдал распоряжение приготовиться к походу.

Итак, отдохнув после 50-верстного марша всего 12 часов, мы в полночь выступаем вперед. Пойдем пешком, так как подвод здесь нет.

10 июня. Р. Днепр, пристань Печи. Полдень. Сейчас только что выкупались в Днепре, избавившись от грязи, накопившейся за три дня похода.

На берегу бивуаком расположилась вся наша бригада: 214-й, 215-й и 216-й стрелковые полки. Немного далее раскинулась 74-я бригада 25-й дивизии. Куда ни глянешь—обозы, обозы, обозы... Кое-где правильными рядами размещалась артиллерия; все поле усеяно кучками отдыхающих красноармейцев.

Невольно думалось, а что, если бы 2-3 польских самолета увидели эту картину? Вот бы кутерьма поднялась.

Ждем, когда будут переправлять на западный берег.

Несколько дней назад здесь на баржах переправлялись 25-я дивизия, кавалерия Муртазина и казачьи части под огнем вражеской тяжелой артиллерии. Над переправой кружились польские самолеты, сбрасывая бомбы.

Очевидцы рассказывают, как одна бомба угодила в баржу, битком набитую красноармейцами. Более 50 человек было убито и ранено. Несмотря однако на бешеное сопротивление поляков, красные благополучно переправились, и теперь самое близкое место фронта—в 35—40 верстах отсюда. Есть сведения, что кавалерия Буденного захватила г. Житомир, порубила много пехоты противника, захватив массу военной добычи и освободив несколько тысяч пленных красноармейцев и советских работников.

Через реку имеется понтонный мост, но середина его раздвинута. Придется переправляться на 4 баржах, что вероятно затянет переправу на несколько дней. Мы будем переправляться в третью очередь, и поэтому все рассчитывают почиститься и главное—немного отдохнуть. Стрелки, измотанные продолжительным походом, чрезвычайно нуждаются в отдыхе: сегодня например, прибыв сюда, красноармейцы, составив ружья в козлы, разлеглись на мягкой траве и тотчас же уснули, как убитые.

11 июня, утро. Ночью получили приказ приготовиться к переправе.

На всем юго-западном фронте наступил решающий момент. Киев окружен красными; несколько дивизий противника, бросая обозы и артиллерию, стараются пробиться к своим. Наша 25-я дивизия находится в очень тяжелом положении, едва сдерживая с востока противника, потерявшего с отчаяния голову, и резервы, спешно перебрасываемые им с севера.

Комбриг т. Устинов приказал переправляться лишь пехоте с пулеметами, чтобы как можно скорее прибыть на выручку частям 25-й дивизии.

На стене здания пристани висит наспех напечатанное на машинке сообщение об успехах Конной армии. Красно-

армейцы группами оживленно обсуждают события. Настроение заметно повысилось. Все считают, что упорные бои на той стороне — это не больше не меньше, как попытки белополяков вырваться из кольца.

215-й полк уже переправился. Сейчас идем на погрузку и мы.

11 июня, ночь. С. Янполь. Полк, пройдя более 35 верст, расположился на ночлег в небольшом селе Янполь. На мою роту отвели всего три хаты, хотя по правде сказать и эти не нужны, потому что спать будем на воле, на мягком душистом сене.

Все обозы, в том числе и кухня, еще не переправились; они остались на восточном берегу Днепра и придут не раньше завтрашнего вечера. Местные крестьяне на просьбы красноармейцев отпустить картошку (ее здесь хоть завались!) — отвечали или отказом или выносили ведро-два гнилой, мелкой картошки, которой они обыкновенно кормят скот.

Я хотел-было почевать в хате, но в ней было так грязно и вонюче, что я решил спать на дворе, на соломе, раздобытой красноармейцами.

Наш не приветливый хозяин отказался дать картофель. — Сами не жравши сидим, — угрюмо буркнул он.

Я приказал командиру взвода осмотреть погреб и, немного спустя, стрелки принесли целое ведро хорошей, крупной картошки, прихватив «кстати» и крынку молока.

— Там, товарищ ротный, — доложили они — мер двадцать, если не больше... До черта сметаны, а молока, хоть облейся! Мы вот взяли крынку на взвод заправить картошку вместо масла, и то боялись вас — ругаться будете...

Мог ли я ругаться, когда люди прошли 35 верст, измучились до последней крайности, со вчерашнего дня не имея во рту маковой росинки? А завтра или на днях им возможно придется пойти в бой, который потребует максимум физических и моральных сил, и я обязан позаботиться о том, чтобы бойцы были сыты.

Мы командиры живем той же жизнью, что и красноармейцы. Их лишения — наши лишения, их радости — наши радости.

Вспоминаю эпизод из русско-германской войны. Дело было на румынском фронте. Наш полк, только-что сменившийся с позиции, разместился в небольшой деревушке. С продовольствием вышла заминка и солдаты начали «промышлять». Один стрелок «нашел» где-то поросенка, но попался офицеру.

— Ты где взял?—спросил он.

Растерявшийся солдат молчал, моргая глазами.

— Что молчишь? Украл, сволочь!—закричал подпоручик. Его молодое, полное здоровья лицо покраснело и и нервно подергивалось.

Офицер отобрал поросенка, а «вора» наказали.

В тот же вечер начальник пулеметной команды послал меня к командиру роты за топографической картой. Все офицеры роты сидели за столом, пили вино и со смехом уписывали... поросенка. Приятную компанию «господ офицеров» разделяли 2—3 сестрички из перевязочного отряда.

★

Глубокая, темная ночь. Красноармейцы давно спят, и только я, дописывая последние строки, сижу у догорающего костра, на котором варили картошку. Да не спит еще караул, высланный вниз, к реке...

12 июня. Окопы по р. Уж. До восхода солнца, где-то впереди нас открылась сильная стрельба.

Вскоре из штаба батальона приехал ординарец с приказанием собираться. Куда, зачем—неизвестно. Указано лишь, что сборный пункт назначается на участке нашего батальона.

Заспанные, поеживаясь от утренней свежести, красноармейцы быстро выстроились. Хлеба опять не привезли, и пойдем, ничего не кушав.

Немного спустя, подошли другие батальоны, прибыл командир полка т. Несцер, и мы двинулись, выслав вперед конную разведку.

Шли по долине, заросшей небольшим кустарником. Стрельба приближалась. Она иногда стихала и доносилось

лишь мерное постукивание пулеметов, затем вновь усиливалась и тогда все сливалось в сплошной гул.

Заработали и батареи. Беглым огнем, почти без перерыва, били 6—8 орудий, но чьи—наши или противника—разобрать было нельзя. Скорее противника, потому что у него больше артиллерии. А наша бригада и вовсе без пушек, которые, возможно, только сегодня переправятся.

Вот и село Черевачь.

По сообщению т. Несцер, бой шел у следующего села Залесье, где батальон 220-го полка 25-й дивизии отбивался от нападавших поляков. Полку было приказано подкрепить батальоном 220-й полк, а после отбития атаки сменить его.

Пошел наш III батальон. Головной была двинута моя, 8-я, рота.

Для меня это был первый бой на западном фронте, и к тому же такой бой, в котором мне впервые пришлось быть в роли не просто участника, а руководителя боевой единицы—роты..

Едва мы вышли из Черевачь и направились по шоссе к позиции 220-го полка, как нам навстречу попался отступавший обоз 220-го полка.

Красноармейцы на лету перебрасывались фразами с обозниками:

— Ну, что там?.. Как дела?

Шибко напирают, сволочи,—отвечали с повозок,—не выдержат наши напора...

— Ну, нестроевщина, замолол... «не выдержат»...—ругался всегда хладнокровный латыш т. Вилем, взводный командир,—наверно сами уехали, без приказа, при первых выстрелах...

— Известно, обозные крысы,—поддакивали красноармейцы.

Я порядком отвык от боевой обстановки, и мне было несколько не по себе, особенно когда запели первые пули.

Невольнo охватывало подленькое чувство самосохранения. Я ловил себя на предательской мысли о том, чтобы бой кончился до нашего подхода, чтобы поляков отбили или чтобы наши уже оставили село... Напрягая всю силу

воли, старался вытеснить из головы всю эту ерунду, пытаясь шутить, смеяться, напустив на себя равнодушную, безразличную мину.

Навстречу попадались одиночками и группами раненые. Некоторых из них вели «добровольные» санитары-красноармейцы, которые пользуются возможностью помочь товарищу, как предлогом, чтобы уйти из боя.

Появление этих «добровольных» санитаров—скверный признак того, что дело близится к нехорошему концу.

Видя наших бойцов, спешивших на выручку, раненые кричали:

— Скорее, товарищи, наши едва держатся... Патронов мало... Скорее.

Человек пятнадцать провезли тяжело раненых, лежавших по 3—4 человека на подводе. Бледные лица, забинтованные головы и ноги, окровавленные шинели....

Командир батальона приказал ускорить шаг.

— Бегом за мной,—скомандовал я роте. Придерживая винтовки и патронташи, красноармейцы побежали за мной в колонне, вздвоенными рядами.

Вдруг, где-то впереди послышалось протяжное «ура». Пулеметно-ружейная стрельба стала затихать, а батареи и совсем замолкли.

Было уже видно, как 220-й полк отстреливаясь, отступал от Залесья. Мы рассыпались в цепь, но поздно... Пришлось вместе с 220-м полком остановиться. Образовав единую сплошную цепь, мы стали окапываться в 300—400 шагах от огородов Залесья.

Поляки, заняв деревню, окопались по огородам, поставили в скирдах соломы пулеметы и начали усиленно обстреливать мою и 9-ю роты.

Пролежав с час, мы по приказанию командира батальона отступали к с. Черевачь, где и закрепились.

После боя, несмотря на то, что он кончился нашим отступлением,—испытываешь чувство необыкновенного облегчения.

Сознание, что я еще жив, здоров и не нахожусь в числе безмолвно лежащих в поле или в числе забинтованных,—это сознание делает меня довольным и возбуждает

хорошее настроение. Нужды нет, что может быть через час или через день-два я буду в числе убитых или раненых, важно, что сейчас я цел, хочу есть, стряхнуть пыль, отдохнуть... С каким удовольствием, например, умываешься, пьешь горячий чай с черным хлебом, ешь картофель. Хочется, чтобы наступившая тишина продолжалась как можно дольше.

Но нет. Вскоре где-то влево и сзади на участке I батальона началась стрельба. По цепи передавались противоречивые панические слухи о том, что «слева появилась вражеская кавалерия», что I батальон отступает, и т. д. Будучи дежурным по боевому участку, я сел на коня и поехал в I и II батальоны для ознакомления с обстановкой.

Где-то влево и позади шел бой...

Не перехватывают ли поляки единственную у с. Черевачи переправу через р. Уж?—сверлила голову беспокойная мысль. Подъехав ближе, я увидел, как наши пулеметчики, отстреливаясь, галопом скакали по мосту, на котором лежали раненые и убитые красноармейцы и лошади. (Как после оказалось, пулеметчики прикрывали отход II батальона.) Сверху, с кручи, на мост прыгали занявшие село поляки.

Я бросился назад. Под огнем благополучно добрался до командира батальона т. Курганского и передал ему обо всем виденном.

Мы решили отступить прямо через реку, хотя и не знали, есть ли там брод. После спуска с горы началось топкое болото с редким кустарником. По этому болоту предстояло пройти с версту. Ноги вязли, и мы продвигались с огромным трудом. Тачанку с пулеметом, застрявшую в болоте, бросили-было, но потом вернулись и вытащили. Справа вдалеке показались поляки. Они шли на нас со стороны моста, стараясь перехватить дорогу.

Но вот сквозь кустарник сверкнула голубая полоса воды. Бросились в воду... Мелко. Мы спасены... Все пулеметы в целости и сохранности. Через полчаса мы снова в Янполе, голодные, измученные, подавленные неудачей.

13 июня. Окопы юго-восточнее д. Янполь. Вчера мы занимали позицию по р. Уж, т. е. северо-западнее деревни. Перед заходом солнца белополяки начали обстрел нашего расположения, что впрочем ничуть не мешало всем нам с аппетитом уписывать вареный картофель, правда, без хлеба, так как обозы до сих пор не прибыли.

Окопы наши маскировались густым, непроницаемым кустарником, росшим по берегу извивавшегося Ужа, и поляки долго не могли нас найти. Большинство снарядов рвалось на их же берегу, не причиняя нам никакого вреда. Изредка по кустарнику шуршали осколки разорвавшихся снарядов.

Ночью мы переменили позицию, оставив деревню Янполь на нейтральной зоне и окопавшись юго-восточнее деревни. День прошел спокойно.

Обозы и артиллерия до сих пор не прибыли. Бойцы голодают, питаюсь с самого Днепра одной картошкой.

Сегодня застал красноармейцев I взвода за уписыванием поросенка. Что же будет, если обоз запоздает еще на 2-3 дня! До чего дойдет это «самоснабжение»!

Поговорил с политруком т. Донским, и сообща решили принять жесткие меры к прекращению подобных безобразных явлений.

Выяснились причины вчерашней неудачи. Оказывается 220-й полк снялся с участка, который он должен был принять, и ушел на присоединение к дивизии, не известив командира полка; в результате поляки воспользовались открытым промежутком для нанесения нам флангового удара.

Больше всех пострадал II батальон, особенно 6-я рота.

Правее нас под г. Чернобыль лежит 215-й полк, который занял было Чернобыль, но его оттуда выбили.

Да! Эта война не похожа на войну с казаками. Да и бойцы,—не те, что были на восточном фронте. Там хоть и покричать любили, а порой даже и побарахолить, но зато в боях дрались до последнего патрона.

14 июня. Окопы у Янполя. Стоим на одном месте. Пока все спокойно. С продовольствием дело обстоит по-прежнему плохо, так что самовольный захват продуктов у

крестьян не прекращается. Мы повели широкую разъяснительную работу. Обращаясь к сознательности бойцов, мы призывали их не обижать мирное население, напоминая, что каждый из них такой же крестьянин, как и тот, у которого он режет поросенка или курицу.

16 июня. Мы получили хлеб, сахар и мясо. Обозы наконец прибыли и как нельзя кстати, потому что из-за отсутствия продуктов среди красноармейцев росло сильное недовольство. Ловля поросят и кур в лежащей перед нами деревне Янполь принимала широкие размеры, причем, чтобы не попадаться нам на глаза, «дичь» варили и ели в лесу, который окружает нас с тыла. Однажды в селе против моего участка началась стрельба... Подумав, что на наших красноармейцев, пошедших за картофелем, наскочила польская разведка, я послал командира взвода с отделением стрелков.

Через полчаса мне доложили, что в Янполе поляков нет и не было, а стреляли красноармейцы 7-й роты в свинью, не желавшую «сдаться». Настоящая охота!

Вчера получили категорическое распоряжение комиссара о прекращении самовольных реквизиций. Я выслал патрули в ближайший тыл с задачей задерживать всех занимающихся варкой пищи из мяса. Вскоре ко мне привели двух красноармейцев: один—из моей роты—варил курицу, другой—из 7-й роты—варил в трех котелках целую свиную ногу. Что с ними делать? В трибунал только! Ведь аресты у нас не применяются, да и нельзя их применять. Выругал их как следует и отпустил, причем своему сказал, что пойдет вне очереди в секрет.

18 июня. С. Залесье. Вчера вся бригада перешла в наступление. I и II батальоны нашего полка и 216-й полк—на Черевань, II батальон—на Залесье, а 215-й полк—на Чернобыль.

Рано утром из штаба полка, расположившегося на опушке леса, пришло приказание приготовиться к выступлению.

Цепь зашевелилась.

Стрелки запасались патронами, смазывали и просматривали винтовки, получали хлеб и сахар. Кое-кто на-

скоро пил чай. Хлеба привезли наверное дней на пять, так что его некуда было девать; пришлось не мало оставить в окопах.

Командир батальона ознакомил командиров рот с положением дел на участке полка.

Поляки занимали с. Черевачь и мост через реку Уж. Командир полка решил вести наступление одновременно с 216-м полком, причем последний после первого залпа из орудий (артиллерия к нам тоже прибыла) должен атаковать мост и южную окраину села. I батальону приказано вести наступление на юго-восточную окраину, а нашему батальону—ударить в левый фланг противника и отрезать ему дорогу на Залесье, на которое будет наступать II батальон. Ровно в 5 часов должна открыть огонь артиллерия.

Двинулись. Без шума, стараясь не обратить на себя внимания поляков, начали переходить все тот же злосчастный Уж. Я выслал вперед разведчиков и под прикрытием их переправил остальную роту, которая шла в голове.

Но вот слева открылась стрельба. Это вступил в бой 216-й полк и наш I батальон. Нас еще не заметили благодаря кустарнику и оплошности поляков, но имевших здесь наблюдения.

Наконец впереди в 500-600 шагах показались огороды. Приказав открыть огонь, я бегом направил роту к селу. Поляки тоже начали стрельбу. Застрочил пулемет. Бойцы продолжали бежать, стреляя на ходу. Потом все стихло и мы увидели группы поляков, в беспорядке отступавших на север и северо-запад.

Деревня в наших руках. I батальон и 216-й полк захватили 3 тяжелых орудия, много пулеметов, пленных, офицерскую столовую с большим запасом консервированного молока, шоколада и сливочного масла.

Пленные—молоденькие солдаты, только вчера влившиеся в качестве пополнения—не знали даже, какой они части.

Из Черевачь мы вместе с I батальоном и 216-м полком направились на Залесье, под которым лежал в цепи наш II батальон. Здесь противник держался упорнее. Он встре-

тил нас таким сильным огнем, что мы быстро залегли и окопались.

Предыдущая удача сделала свое дело. Не прошло и 15—20 минут, как вся цепь словно по приказу поднялась и бойцы, стреляя на ходу, крича, подбадривая друг друга, бросились на засевших по огородам поляков, которые, не выдержав стремительного напора пятисот опьяненных успехом стрелков, начали отступать, бросая раненых, пулеметы и снаряжение.

Чего только не кричали бойцы для подбадривания друг друга.

Ротный санитар т. Петряев, бежавший впереди всех, размахивал стойкой от носилок и матерясь орал не своим голосом:

— Даешь Чернобыль!.. Даешь!.. А-а-а! — бегут, братишки, бегут!..

Не отставали и пулеметчики. Потные, грязные, напрягая все силы, они волочили «максимки» по вспаханному полю и кричали:

— Братва обожди. Дай и нам «пустить» по панам ленточку... на закуску, так их мать...

Не задерживаясь в Залесьи, мы пошли дальше, на помощь 215-му полку и совместными усилиями заняли Чернобыль.

После занятия Чернобыль у нас в тылу вспыхнула перестрелка. Как после оказалось, польская кавалерия налетела на Черевачь, стремясь отбить потерянные орудия. I и II батальонам приказано было ликвидировать прорыв, что нами и было сделано, причем поляки оставили 15 убитых солдат и с десятков хороших лошадей.

Стрелки мои — просто молодцы. Только крикнешь им: «вперед, товарищи», сразу срываются, как оголтелые... Вот тебе и рязанские дезертиры. Не подкачали.

Одно плохо — мало еще обстреляны недавно прибывшие красноармейцы. Я хочу сказать не о «поклонах», которые наблюдаются иногда даже у старых бойцов, а о том, что многие из необстрелянного молодняка теряются, не понимают ни приказов, ни сигналов. Кричишь — «вправо», а они, оглушенные стрельбой, разрывами снарядов, кучей

идут влево. Многих чуть не за руки водить приходилось. Мне кажется, что такие красноармейцы и вперед-то бегут, глядя на товарищей, полусознательно. Кричишь — «реже», а они словно нарочно — идут сбившись в кучу.

Так или иначе, но трусов в бою я не видел.

Отлично дрались взводные командиры: латыш Вилем и бывший гвардейский унтерофицер Дорофеев. Вилема пришлось даже поругать за то, что он увлекся за группой отступавших поляков, оставив взвод на произвол судьбы...

Уже ночью батальон расположился в Залесьи, составляя резерв полка.

Потери у нас в полку небольшие. Из моей роты, например, выбыло всего 2 человека.

За день захвачено много пленных, оружия и прочей добычи. Обмундирование у пленных хорошее, сшитое прочно, но не польское: шинели и френчи, например, австрийские, каски — немецкие. Оружие тоже сборное: винтовки австрийские и немецкие, пулеметы только немецкие и очень неудобные (на салазках), годные, по-моему, лишь для позиционной войны, а не полевой. Не случайно наши захватили сегодня что-то около 12 станков.

Огнеприпасов у противника в изобилии.

Многие красноармейцы щеголяют уже во френчах и брюках стального цвета и в металлических шлемах, у многих — польские сумки, брошенные отступавшим в панике противником.

Настроение у всех боевое, появилась вера в свои силы. Крепло убеждение в том, что и мы способны наносить жестокие удары белополякам.

Наши бойцы показали пример исключительной выносливости. Пять дней в окопах, два дня боя — на одной картошке, без хлеба. Ведь продукты привезли только пятнадцатого, а до этого выручала «бараболя»... И тем не менее ни одного отставшего.

Вследствие потерь во II батальоне у меня взяли моего помощника т. Ростова и командира взвода т. Баландина — лучших командиров во всем батальоне.

Ходил в штаб полка к т. Несцеру и пытался отстоять ребят, но безрезультатно. По правде говоря, в моей роте

комсостава больше чем в других: на 40 стрелков — 3 командира взвода и помощник. Ясно, что если уж и брать где так у меня... К тому же с работой я уже более или менее освоился, и отсутствие Ростова не будет очень заметным.

У т. Несцера спросил, между прочим, о положении на фронте.

— Поляки кажется тронулись назад, — ответил т. Несцер. — Послал разведку, но она вернулась ни с чем. Однако, сомневаюсь, чтобы разведка далеко ходила. Во всяком случае и сами поляки нас не тревожат. Сегодня ночью пойдем наверное вперед...

Хороший летний вечер. На селе песни, смех, веселье. Красноармейцы, почистившись и отдохнув, разбрелись по улицам зубоскалить с деревенскими девками. Там и сям заливаются гармонички, и ничто не напоминает здесь фронта.

ПОХОД НА Г. МОЗЫРЬ.

20 июня. Фольварк Дубовка. Без устали преследуем поляков, отступающих без всякого сопротивления. Повидимому их здорово теснит кавалерия Буденного, которая оперирует где-то влево.

Жители освобожденных сел и деревень восторженно встречают Красную армию; делятся с нами всем чем могут.

Жалуются на поляков:

— Грабители... Забирали все вчистую. Хлеб, скотину берут ну ладно, а то белье, одежду, женские тряпки тащат... В одном селе заберут, а в другом — обменивают на продукты, сволочи...

— Ну, теперь не вернутся! — успокаивали наши.

— Дай-то бог. Хлебнули мы от них горюшка — говорили крестьяне.

Сочувствующих полякам совсем нет, или, может быть, они и есть, но молчат, притаившись и ожидая, когда армия пройдет вперед, чтобы безопасно вести работу. Но у большинства населения отношение к белополякам резко враждебное: жители на горьком опыте убедились, что за

«освободители» пришли освобождать бедных крестьян от «большевистского ига».

Сегодня получили очередные газеты. В них сообщается о том, что наше наступление успешно развивается. Взят г. Коростень. Части Буденного опять прорвали фронт поляков и гонят их на г. Ровно. Эти новости поднимают у всех нас боевой дух, заставляют легче переносить временные неудачи и всякие боевые лишения. Соседняя 25-я дивизия—под г. Овручем (это на юго-запад от нас).

Если дело и дальше пойдет так, то к осени мы разделимся и с этим фронтом, а тогда и по домам—на отдых.

21 июня. С. Белый Берег. Кладбище. Наконец-то дошли до поляков. Еще по дороге сюда чувствовалось, что противник где-то поблизости: восточные окраины деревень, встретившихся на пути, изрыты свежими окопами, кое-где торчали колья, но без проволоки.

Все это было сделано видимо наднях, но по неизвестным причинам воспользоваться всем этим полякам не удалось.

В 3-4 верстах от этого села крестьяне передали нам, что в селе поляков нет, но заставу их видели якобы на кладбище, за селом. Моей роте приказано было снять ее. Выслав вперед дозор, мы осторожно продвигались цепочкой по пустынной улице. Вот недалеко и кладбище. Разведчики начали ползком пробираться к нему канавой и огородами. Я тихо отдал распоряжение взводу Вилема итти огородами и гнать поляков на улицу прямо на нас.

Немного спустя разведчики возвратились и сообщили, что на кладбище пусто, нет даже и следов противника.

Донеся об этом командиру батальона, я получил распоряжение оборонять занятый район. Выбрав позицию для роты, приказал окопаться и замаскировать окопы.

Про поляков узнали немного: они стоят в пяти верстах западнее нас в с. Вербовичи. Вскоре поляки сами дали о себе знать.

Занимаемое моей ротой кладбище расположено на возвышенности, которая очевидно наблюдалась из Вербовичи, потому что достаточно было пошляться красноармейцам друг к другу за табаком, спичками или хлебом, как поляки

открыли стрельбу из орудий, которых, судя по частому огню, было не менее 4—6.

Противник бил гранатой и исключительно по моей роте, ибо 7-я и 9-я, расположенные по огородам, не привлекали внимания поляков.

В воздух подбросило уже с десяток могильных крестиков, закришело дерево, подкошенное снарядом, и повалилось, придавив несколько небольших кудрявых березок, кучей щепок и обломков рухнул какой-то сарайчик в близлежащем огороде, а противник продолжал посылать снаряд за снарядом, словно отыгрываясь за долгое вынужденное молчание.

— Эх, вот здорово-то!—восхищался лежавший рядом со мной в окопчике красноармеец, — и покойникам-то «пан» не даст спокойно лежать. А, кобылка, теперь лежишь! Слабо! — крикнул он весело соседям, свертывая папироску и закуривая.

— Оставь «сорок»!—закричал ему санитар, едва уместившийся в небольшом наспех отрытом окопе. Это тот самый санитар, который в бою под Чернобылем бежал впереди цепи с палкой от носилок и кричал: «Даешь Чернобыль».

— Ванька, даешь «сорок» или нет? А то не потащу, когда тебя осколком цапнет,—смеясь продолжал он.

Разорвавшийся около него снаряд прекратил его притязания на «сорок», заставив спрятаться глубже в нору.

Выпустив 50—60 снарядов, белые затихли. После такого урока красноармейцы уже не шатались зря. Я отдал командирам взводов распоряжение следить за людьми.

На участке 215-го полка, который находился правее нас, часа два слышалась стрельба. Это повидимому наши выбивали поляков из деревни.

До г. Мозыря цели нашего похода — оставалось 35 — 40 верст.

По рассказам возвращавшихся подводчиков поляки очищают Мозырь. Судя по газетам, наступление развертывается по всему фронту, что дает надежду красным на успех. У поляков не хватит войск для сдерживания нашего натиска, в особенности теперь, когда Буденный порядком

потрепал польские части под Житомиром, Коростенем и Ровно, где он вывел из строя несколько дивизий противника. Такую прореху скоро не заткнешь.

Собственно до сих пор поляки брали не качеством и не количеством солдат,—брали они искусными своевременными перегруппировками. Они лучше нас маневрируют. В случаях наших частичных наступлений противник, производя перегруппировки, перебрасывал войска с безопасных участков на угрожаемый и тем спасал большей частью положение. Так было под Речицей, 10-11 июня, когда державшая там фронт 9-я Полесская дивизия вся, за исключением кажется одного батальона, была переброшена под Киев.

А почему это произошло? Только потому, что наша 57-я дивизия действовала там пассивно как до перегруппировки, так и после нее, когда можно было легко занять Речицу без таких потерь, какие мы несли в мае.

Теперь же, при развитии наступления по всему фронту, их искусство маневрировать не может быть так широко применимо, как ранее. Оно ограничивается местными случаями, не могущими оказать серьезного влияния на ход событий.

★

Политическая работа замерла. А с красноармейским составом надо работать и работать... Недавно я был свидетелем беседы бойцов между собой. Они говорили о том, что мы воюем не с белой Польшей, а с Польшей вообще, которая будто бы требует какую-то автономию, что когда покорим Польшу своей власти, тогда и войне конец. У части бойцов нет ясного представления о целях войны, о задачах Красной армии.

Скверно обстоит дело в материальном отношении. Обмундирование у всех износилось, от гимнастеров и брюк остались одни клочья, более половины стрелков—босые и без шинелей. А ночи здесь чрезвычайно холодные. Неладно и с продовольствием. Продукты доставляются не регулярно, мясо раз в неделю, сахар еще реже; хочешь—не

хочешь, а приходится пользоваться крестьянской картошкой.

На почве перебоев в снабжении опять наблюдается барахольство. Сегодня вечером, например, натолкнулся на группу красноармейцев, варивших что-то в кустах. Мне показалось это подозрительным, так как мяса не привозили уже дня два. Спросил:

— Что это вы, товарищи, варите?

— Да вот, товарищ командир, смутились красноармейцы, небольшой «товарообман» с дядькой сделали: за рубашку—курицу выменяли...

24 июня. С. Кнуровка. Противник продолжает отходить. 215-й полк занял местечко Наровль, расположенное на берегу р. Припять.

При отступлении поляки учинили в Наровль еврейский погром.

Настроение наших частей не оставляет желать ничего лучшего. Босые, рваные и грязные, питаюсь одной картошкой да огородной зеленью, красноармейцы безропотно отмеривают с боями по 25—30 верст ежедневно.

Обозы I и II разрядов, не успевая за нами, далеко отстали.

До Мозыря—25—30 верст.

Вчера и сегодня суда Днепровской боевой флотилии, оперирующей по р. Припяти, обстреливали с. Барбары, в котором засели белополяки.

26 июня. Опушка леса, вост. с. Половки. Утром после небольшой перестрелки наш полк занял с. Половки.

Отдохнув, приготовились было идти дальше, но остались на месте, так как 216-й полк не выбил еще поляков из с. Бобруйки, и если бы мы выдвинулись, то тем самым подставили бы противнику фланги.

Вскоре из ближнего леса появилась разведка противника, а за ней густая цепь пехоты, не менее 200—300 человек.

I и II батальоны залегли на западной окраине Половки и открыли огонь по наступающим. Некоторое время спустя 1-я и 2-я роты, находившиеся правее меня, решив, очевидно, что огнем врага не отгонишь, поднялись и, как

один человек, с криком «ура» устремились на поляков, которые, скрываясь во ржи, приблизились на 80—100 шагов.

Я поднял свою роту, и мы общей цепью бросились в атаку.

Поляки не выдержали, дрогнули и покатались назад.

I батальон захватил исправный пулемет, один станок от пулемета и много брошенных вещей.

Из опроса пленных выяснилось, что на нас наступали 9-я и 10-я роты 34-го пехотного польского полка, которые потеряли 3 убитыми, в том числе—офицера, и 20—25 человек ранеными. Среди солдат 34-го полка полное разложение. Они отказывались идти в наступление, и только угрозы и уговоры офицеров, что они останутся без обозов, что нужно прикрыть отход тылов, вынудили их выступить.

К вечеру пришло извещение от 216-го полка. Ему, несмотря на упорный бой, не удалось выбить поляков из Бобруйки, и командир полка решил отвести полк, дабы не подвергать фланги опасности ударов со стороны противника.

Не успели мы покинуть с. Половки, как поляки открыли по нему убийственный огонь (они повидимому не заметили нашего отхода и начали артиллерийскую подготовку к атаке). Били главным образом из гаубиц и не менее чем из 6—8 орудий. Вскоре вся окраина была окутана облаком черного дыма, перемешанного с землей и пылью. Наша позиция была вне огня, но для обороны она не представляла удобств, так как фланги попрежнему висели в воздухе, а местность позволяла противнику действовать против наших флангов.

После артиллерийской подготовки поляки беспрепятственно заняли оставленное нами село...

Сейчас привезли продукты: хлеб, сахар и... сливочное масло по котелку на 6 человек. Все набрасываемся на еду, как звери...

Ночь. Окопы в 8 верстах вост. с. Половки. Сегодня я с ротой чуть было не попал к полякам. Произошло это так.

Стало уже темнеть. Мы знали, что правее нас 9-я рота.

но между флангами был интервал в 100—150 шагов, легко наблюдаемый днем. Никто из нас не заметил, как 9-я рота «смоталась» и мы остались одни.

Со стороны Половки появились сильные разведочные партии поляков, с которыми и занялись стрелки, и вдруг нули полетели откуда-то справа... «Что за чорт?»—подумал я и выстал вправо для связи с 9-й ротой дозор, который вскоре вернулся и сообщил, что 9-й роты нет и вообще вправо никого нет...

Что делать?

Ясно, что полк отступил и мне забыли передать приказание. Но может быть меня оставили для прикрытия отхода полка, однако и на это я не имел никаких распоряжений.

Решил отходить.

Не успели пройти и полверсты, как нам встретился конный, передавший мне приказание скорее отходить. Пройдя еще версты 2, мы нагнали полк, который остановился, дожидаясь нас.

27 июня. *С. Кустаница*. Первое польское село на нашем пути. Население этого села относится к нам явно неприязненно.. Даже бедняцкая его часть и та заражена националистическим духом и сторонится нас. Однако, два батрака явились с просьбой взять их на службу. Они были приняты в конную разведку.

По пути сюда мы проходили через Половки. Что там наделали поляки! Не успели они после нас занять это село, заподозренное ими и не без оснований в сочувствии к большевикам, как принялись за грабежи. Брали продовольствие, фураж, одежду, деньги, женское платье,—все, что только можно было уложить в сумку или сунуть на подводу. Ясно, что если раньше жители только пассивно сочувствовали нам, то после этого погрома они готовы были оказать нам активную поддержку.

28 июня. *С. Матренки*. В жаркий полдень полк вошел в это село, совсем недавно оставленное белополяками, оборонявшими здесь подступы к Мозырю.

Толпы крестьян восторженно и шумно встречали наши части. Около командира полка и комиссара, остано-

вившихся с конной командой на площади, быстро организовался летучий митинг. От местных жителей выступил молодой парень.

— Мы знаем, товарищи,—говорил он,—что вам тяжело, что вы переносите огромные лишения. Мы поможем вам продовольствием, пополним ваши ряды свежими силами, только освободите нас от панов.

Во время речи комиссара слышалась песня: «Смело, товарищи, в ногу»... Это приближались пятнадцать добровольцев-крестьян. Старший отряда торжественно заявил о желании вступить в ряды освободительницы—Красной армии.

После митинга, на улицах царило необычайное оживление. Между красноармейцами и местными жителями происходило настоящее братание. Бойцы раздавали жителям старые газеты, воззвания, листовки, разъясняли задачи советской власти, взаимоотношения с командным составом и т. д.

29 июня. В ночь на сегодня 215-й полк без боя вошел в г. Мозырь, оставленный поляками.

По слухам, город начисто ограблен шляхтой.

Дабы прервать железнодорожное сообщение и помешать судам Днепровской флотилии беспрепятственно двигаться по реке, поляки взорвали железнодорожный мост через реку Припять, два пролета которого опустились в воду.

Лежа в окопах за селом, всего в 5-6 верстах от Мозыря, мы видели, как в городе сильно горели деревянный мост через Припять и какой-то завод, подожженные белыми.

— Вот и конец Мозырской операции. Да здравствует поход на Пинск!

ОБУВАЕМСЯ В ЛАПТИ.

30 июня. С. Лучежевичи. Стоим на одном месте. Живем не плохо. Жители, несмотря на свою большую бедность, охотно делятся с нами последними крохами. Един-

ственно чего здесь много—это рыбы, которой мы главным образом и питаемся.

Вчера под вечер польская артиллерия начала обстреливать левое соседнее село Загоряны, где стоит наша 9-я рота, командир которой считает, что внимание противника привлекают сами красноармейцы, шатаясь кучками по высокому берегу и по селу.

По нашей же деревне не выпущено ни одного снаряда, благодаря тому, что я дал заблаговременно строгий наказ не шататься зря, а сидеть по хатам.

Сегодня к берегу пристала возвращавшаяся с разведки канонерская лодка «Гордый», входящая в состав Днепровской боевой флотилии. Моряки при прощании передали нам ворох свежих газет, на которые мы жадно набросились, давно уже не получая ни одного номера.

К вечеру мимо нас в сторону противника прошел красный бронепароход, а когда стемнело проплыли еще 1 судна с тяжелой артиллерией. Отряд двигался безшумно и с потушенными огнями—очевидно в набег.

Получил приказ заготовить подводы на свою роту, а так как мне нужно всего 20 подвод, то к вечеру приказание было выполнено.

Красноармейцы думают, что роту отведут в резерв, так как поляки отступают. Мне же кажется, что мы пойдем вперед, именно потому, что враг отступает. Разумеется, против отдыха, хотя бы двух-трехнедельного, я ничего не имею, особенно сейчас, когда стоит прекрасная, правда, несколько жаркая, погода. Но около реки жара чувствуется меньше, и постоять в резерве было бы не плохо.

Однако, резервами нас не баловали, и красноармейцы, тая надежды на отдых, готовятся к обычному—к походу: усердно стирают и чинят белье, гимнастерки, шаровары и т. д.

2 июля. Лучежевичи. Никаких изменений.

Мое предположение оправдалось: вчера Днепровская флотилия произвела набег на тыл поляков. Она дошла до с. Новоселки, где стояло по одному батальону от 22-го и 34-го польских полков, кавалерия и саперные части, наводившие мост и переправлявшие на паромов обозы.

Флотилия высадила десант и удачным налетом захватила обозы, массу оружия, штабы батальонов и пленных. Уничтожив все, что нельзя было с собой взять, испортив строящуюся переправу, она повернула обратно. Так как дело происходило уже утром, ее нащупала польская батарея, быстро, однако, уничтоженная мощным артиллерийским огнем флотилии, которая разогнала кстати и пехотные заставы, выдвинутые к реке на нашем боевом участке.

Посланная мною разведка вскоре доставила 14 шинелей, 15 палаток, 20 вещевых мешков и много другого снаряжения,—все это было брошено отступавшими в панике белополяками: я немедленно снабдил шинелями всех безшинельных и поделил вещевые мешки между красноармейцами. Польское обмундирование попало крепкое и мало ношенное. Палатки составлены из трехугольных разноцветных кусков; сумки—удобные; в общем все это—австрийское или немецкое...

3 июля. С. Боково. Вечером 2 июля покинули гостеприимные Лучежевичи и на подводах тронулись на с. Редькино, где, соединившись с другими частями полка, общей колонной двинулись на село Боково.

Наша дивизия передается из Мозырской группы в 12-ю армию, которая находится верст на 150 южнее. Туда нам и предстоит поход.

Получили свежие газеты, которые сообщают, что наше наступление на юго-западном фронте успешно развивается: заняты города Литин, Летичев, Нов.-Волынск и другие. Поляки эвакуируют Пинск и ст. Сарны и отходят, не оказывая никакого сопротивления, если не считать незначительных арьергардных боев.

На западном фронте пока тихо.

По пути отступления противник взрывает мосты и уничтожает не только сооружения, имеющие военное значение, но и общественные. В Киеве, например, белополяки взорвали водопровод, электростанцию, вокзал и... Владимирский собор.

Так действуют наши «культурные» противники,—«освободители» от большевистского «ига».

6 июля. С. Медведно. Еще в Лучежевичах я получил для роты кухню и лошадей. В роте нашелся повар, и теперь мы имеем возможность раз в день готовить горячую пищу.

Многие командиры рот, предпочитая не обременять себя хозяйственными заботами, не получили кухонь, а кто и получил, тот греет только кипяток для чая, предоставляя бойцам самим заботиться о пище. Отсюда—конфликты с населением: бывают случаи, что красноармеец берет продовольствие без спроса хозяина или загоняет последнюю рубашку на покупку продуктов.

Подобных явлений можно избежать, так как есть полная возможность наладить собственными силами питание стрелков. Каждому командиру роты выдается аванс на приобретение хлеба и мяса. В погашение этого аванса командиром роты представляются счета, заверенные сельскими старостами. Но и тут некоторые предпочитают не канителиться, и аванс, данный на неделю, неиспользуется по месяцу.

Не знаю, чего смотрят командир и комиссар! Нужно заставить командиров рот заботиться о желудке красноармейца.

Крестьяне, хорошо понимая, что армия должна питаться, ничего не имеют против организованных приобретений мяса и муки, хотя мы и платим за все по твердым ценам, которые здесь значительно ниже «вольных» цен. Но индивидуальные поборы и требования красноармейцами пищи нервируют жителей, и это сказывается на их отношениях к нам. Иной бедняк и рад был бы накормить голодного красноармейца, поставленного к нему на ночлег, да не может, так как сам перебивается с хлеба на воду. Другое дело—крепкий мужичок—ему ничего не стоит содержать даже двух бойцов.

Сугубая осторожность в отношении «самоснабжения» требуется еще и потому, что население здесь живет крайне бедно; оно и понятно: кругом лес да болото. Земли под пашней очень мало; главная пища—картофель.

Населенные пункты незначительны—дворов по 20—30, подвод нет, так что уже несколько дней идем пешком.

8 июля. С. Бегуны. Нещадно печет солнце. Воздух раскален до последней степени. Поход совершаем вечерами, так как днем двигаться нет никакой возможности.

В ночь на 7 июля партизанский отряд Булак-Булаховича, прорвав фронт, произвел налет на г. Овруч, где стояли тылы наших передовых частей, и захватил около 30 пленных и до 50 подвод. На обратном пути отряда, на хвост его, случайно наскочил наш 216-ый полк, который и отбил часть захваченного обоза. Все же Булак-Булаховичу удалось благополучно уйти, чего не случилось бы, если бы наш полк успел занять с. Лучинку и перерезать ему дорогу.

★

С продовольствием в моей роте дело обстоит пока хорошо. Обед бывает готов за 3 часа до выступления. Красноармейцы ежедневно получают котелок супа с мясом на двоих и хлеб. После раздачи обеда старшина и каптенармус отправляются с кухней в пункт, назначенный для ночевки. Там они закупают мясо, муку, овощи, отдают, если нужно, по хатам печь хлеб и ждут нас. Так как на ночевку приходим ночью, то красноармейцы обычно спят до утра, утром пьют чай, а перед дальнейшим движением опять получают горячий обед. Если же по расчету времени видим, что на ночлег придем засветло, тогда кухня заготавливается прямо в пути, и к приходу в назначенное место обед бывает готов и тотчас же раздается бойцам.

В результате семидневного похода более или менее сносные ботинки остались лишь у 10 красноармейцев. У остальных обувь вот-вот развалится. Многие бойцы совершенно босы. Решил обуть их в лапти, так как после вчерашнего ночного перехода по лесной, каменистой и плохой дороге они до крови изранили себе ноги.

С помощью сельсовета раздобыл 20 пар лаптей; в обозе нашлись кое-какие тряпки, которые пошли на портянки; сегодня у меня все выступают обутые.

Несмотря на отсутствие обмундирования и обуви, на утомительные переходы, настроение красноармейцев превосходное. Оно было бы еще лучше, если бы среди бойцов

велась какая-либо политическая работа; но мой политрук, хотя и славный парень, но как работник—никуда.

Комиссар же совсем забыл, что у него есть полк. Даже партийных собраний не устраивали больше месяца.

Своими силами в роте удастся проводить лишь чтение газет (которые кстати сказать мы получаем редко) да беседы по разъяснению нашей национальной политики.

Бойцы совсем не те, что были на восточном фронте: там дрались в большинстве отрядники-добровольцы, преимущественно из рабочих Симбирской и Самарской губерний, прошедшие хорошую школу классовой борьбы с белыми, закалившиеся в боях, твердо уяснившие цели и задачи Красной армии. Нечего скрывать, порой с ними было много волынки, любили бывало попартизанить, «реквизитовать» какую-нибудь тряпку, глотнуть изрядно самогону и пр. Не прочь были поворчать, поругаться («мы кровь проливаем, а тут...» и т. д.), но все же в политическом отношении они были несравненно крепче сегодняшних бойцов.

Восемь-десять ветеранов, оставшихся в каждой роте (есть они и у меня) с восточного фронта являются буквально цементом, спаивающим разнородные элементы поздних пополнений. Эта кучка старых бойцов, крепко дорожащих традициями прошлых побед, настоящая мельница, перемалывающая пеструю красноармейскую массу и превращающая ее в ценный боевой материал. Ветераны помогают необстрелянному молодняку переносить все трудности боевой походной жизни.

— Эх, ты, шляпа!—урезонивает старый боец-восточник недавно прибывшего пополненца,—прямо, наверное, сметанник. «Тяжело», «обеда не было», «ботинок нет», а мы бывало, когда через Урал шли, так по два дня крошки хлеба не имели, одной ягодой питались... Да не по 20 верст шли, как сейчас, а по 35—40,—и после похода в бой!..

— А помнишь, Васька,—ввязывается другой ветеран в разговор,—как мы из тряпья да из киргизской кошмы ботинки делали?

И пойдут воспоминания...

Такие разговоры в походе или на ночлеге, у огня, вы-

рабатывают и выравнивают роту не хуже, чем политрук, и даже самые малодушные и слабые стыдятся иной раз хныкать.

Ветераны и в бою подают примеры храбрости, и по ним старается равняться молодежь. Но в политическом отношении наши старики много помочь конечно не могут. А как-раз на этом участке у нас бывают порой серьезные прорывы.

Основное, что бросается в глаза — это непонимание, с кем мы боремся, смешивание в одну кучу поляков богатых и бедных. «Усмирить» поляков, «бей поляков» — нередко слышишь от красноармейцев.

Бойцы иногда позволяют себе побарахолить (как это было например в ст. Кустовице во время движения на г. Мозырь), оправдываясь тем, что это мол поляки, с которыми мы воюем, и т. д.

12 июля. С. Осовка. Маленькая, в 30—40 дворов, деревня. На роту отвели всего две хаты, но и те незаняты, — кто же будет в такую жару сидеть в душной хате. Все красноармейцы попрятались в тень по садам и клуням. Сегодня делаем дневку. Пользуюсь этим, чтобы возобновить запас лаптей, которые чрезвычайно быстро изнашиваются. Пара лаптей носится в среднем примерно в два раза меньше, чем наши нынешние ботинки, т. е. их хватает не больше, чем на два перехода, т. е. на 50—60 верст. На срок их носки влияют также каменистые лесные дороги. Кроме того, надо сказать, что лапти, изготавливаемые в центральной России более прочны, чем здешние, единственное преимущество которых состоит в том, что они быстро плетутся.

Так или иначе — лапти сослужили нам хорошую службу, сохранив красноармейцам ноги.

Командиры 9-й и 7-й рот последовали моему примеру и также стали обувать босых бойцов в лапти.

Вчера в полк прибыло разутое и раздетое пополнение, около 100 бывших пленных красноармейцев, отбитых Буденным в Житомире. В наш батальон попало 23 человека, хотя и немного, но все-таки поддержка. Мне в роту дали 8 человек, так что у меня теперь два взвода по 20 штыков

каждый и 10 человек комсостава (3 командира взвода и 7 командиров отделений).

Своих пополненцев я сегодня же обул в лапти, а вот насчет обмундирования не знаю, что и делать. Поскорее бы в бой, там хоть достали бы шинели...

Вчера получили свежие газеты. Началось общее наступление от Двинска до румынской границы. На нашем участке красные заняли г. Ровно и узловую станцию Сарны. Кавалерия Буденного лавиной несется к центру южной Польши—Львову.

На крымском участке наступление также успешно развивается, причем наши части подходят к Перекопу.

В связи с благоприятной обстановкой на фронтах международное положение тоже изменилось к лучшему. Англия например изъявила согласие на возобновление товарообмена с Советской республикой. В страну трудящихся приезжает много рабочих социалистических делегаций, чтобы собственными глазами убедиться в том, как рабочая республика, изнывающая от голода и тифа, героически отбивается от многочисленных врагов, имея разутую и раздетую, голодную и плохо вооруженную, но сильную духом Красную армию, которая бьет и гонит вооруженную до зубов армию буржуазии, с хорошим офицерским составом бывших германской, австрийской и русской армий.

13 июля. С. Зобовичи. По рассказам крестьян наши войска заняли г. Ковель.

Мы получили дальнейший маршрут движения—к г. Ровно.

С продовольствием—хорошо. Кухня работает отлично, благодаря чему в моей роте во время марша полный порядок: когда идем через населенные пункты, ни один боец не выходит из строя, чтобы «стрельнуть» по хатам хлеба.

В тех же ротах, где кухни не работают, голодные красноармейцы вынуждены просить подаяние или питаться огородной зеленью и незрелыми яблоками.

В работе моей кухни за все время было лишь 2—3 перебоя, вызванные тем, что мы ночевали всем полком в очень бедных деревнях, в которых ничего нельзя было купить.

14 июля. С. Воняче. Местность, по которой мы идем, представляет сплошной лес, болото и камни.

Дороги, несмотря на сухое время, отвратительны: выбоины, корни деревьев, камни. Марши, особенно те, которые мы выполняем частично ночью, чрезвычайно утомляют в каждый переход мы делаем не менее 25 верст.

Сегодня старшина и каптенармус опять не могли достать для кухни продуктов, и красноармейцы вынуждены были перейти на самоснабжение. Мы приготовили лишь кипяток, но он остался почти не разобраным, потому что давно ни у кого нет сахара. Обозы не успевают за нами, и мы уже целую неделю не получаем ни сахара, ни табаку.

Насчет курева жалоб нет, так как здесь почти у каждого крестьянина растет табак. Красноармейцы сушат над огнем сырые листья, трут их, и в конце-концов получается нечто вроде махорки.

15 июля. С. Мокрые Буды. Сегодня у меня произошел конфликт с председателем местного сельсовета. Дело в том, что вследствие плохой каменистой дороги бойцы изнашивают лапти за один переход и приходится в каждом селе раздобывать новые. Их доставляет нам сельсовет. Так как готовых лаптей у крестьян часто нет, то председатель заказывает определенным хозяевам требуемое количество их, и к моменту выступления они обыкновенно бывают готовы.

Вызвав сегодня к себе председателя, я заказал ему 10 пар лаптей,

Немного спустя он вернулся и сообщил, что лаптей нет.

— Так закажите сплести,—сказал я.

Председатель ушел.

Опасаясь оставить бойцов босыми, я приказал старшине проверить, плетутся ли лапти. Оказывается, что нет.

Я снова вызвал председателя. Он стал оправдываться, ссылаясь на то, что многих крестьян дома нет, другие не имеют лыка, словом саботаж чистый.

Видя, что председатель отлынивает и хочет как-нибудь избавиться от моего «заказа», я дал ему час времени на

организацию заготовки лаптей, пригрозив в случае невыполнения посадить его самого и десятских за плетение.

Через час мне принесли две пары старых, никуда негодных лаптей. Тогда я приказал старшине взять в двух-трех соседских дворах лыко и посадить председателя и трех десятских за плетение лаптей под караулом красноармейцев.

— Это я буду плести вам лапти? — спросил председатель.

— Да, вы сплетете нам лапти, хотя бы для этого пришлось водить вас с нами две недели.

— А ежели кому-либо из ваших нужен будет председатель, тогда што? — спросил один из десятских.

— Скажу, что председатель занят — плетет красноармейцам лапти! — ответил я.

Притащив лыко, мы усадили на дворе наших пленников, приставили к ним красноармейца и заставили их работать. Видя, что с ними не шутят, они через час-полтора приготовили нам 10 пар лаптей.

В этом же селе я организовал добровольный сбор холста на портянки и уже к вечеру имел аршин 40 здорового крестьянского холста, который роздал по взводам.

★

Спелая вишня и созревающие яблоки и груши в садах чрезвычайно соблазняют полуголодных красноармейцев. Уследить за ними на ночлеге невозможно, и поэтому они злоупотребляют уничтожением фруктов.

19 июля. М. Александрия. Приближаемся к фронту. По сведениям, линия его идет по р. Стырь, в 60—70 верстах от нас. Повидимому поляки начинают оправляться от ударов красных, ибо сопротивление их с каждым днем усиливается.

По газетам на западном фронте наше общее наступление успешно развивается. Заняты Вилейка, Минск и Бобруйск. В боях захвачено много пленных, несколько танков, десятки орудий и много пулеметов.

Здесь остановились на дневку и пропустили всех крас-

ноармейцев через баню, организованную полком. Надо было видеть, сколько радости она доставила бойцам, не мывшимся с момента ухода от реки Припять. Белье, заплатанное, несменявшееся с самого начала похода, было пропущено через дезинфекционную камеру.

Настроение у красноармейцев хорошее, но оно было бы еще лучше, если бы они знали, что делается кругом нас, куда и зачем мы идем и что будем делать в дальнейшем. Утомительные, наполовину ночные переходы совершались бы несравненно легче, если бы стрелки более ясно и четко представляли смысл происходящих событий.

22 июля. *М. Острожец*. Еще вчера здесь была передовая линия, а сегодня противник уже в 30 верстах за рекой Стырь.

Здесь были самые жестокие бои армии Буденного за г. Ровно, в которых, по рассказам жителей, порублено много польской пехоты.

Взят г. Дубно. Сейчас наши части подошли к р. Стырь. Г. Луцк, разделенный этой рекой на две части, находится наполовину в наших руках, наполовину—у поляков.

Район, по которому мы идем, носит яркие следы боев империалистической войны. Большинство населенных пунктов построено из всякого хлама, оставшегося от сожженных деревень.

Поля перерыты бесчисленным количеством окопов, артиллерийских позиций, ходов сообщений, убежищ и блиндажей. Масса воронок. Среди этого хаоса приятно выделяются куски обрабатываемой пашни. Плуг понемногу залечивает глубокие раны, нанесенные земле.

Дороги, шедшие по возвышенностям, очевидно наблюдаемые когда-то противником, врыты на 5—6 аршин в землю, так что когда идешь или едешь, ничего, кроме зеленой стены не видишь.

Некоторые выемки тянутся на 5—6 верст и прекращаются только тогда, когда дорога спускается в ложину или идет обратным скатом возвышенности.

То там, то здесь встречаются кладбища с братскими и одиночными могилами безвестных бойцов, погибших за

чужое им дело. Масса проволоки, осколки снарядов, неразорвавшиеся гранаты, бомбы и мины... Впечатление такое, словно все эти разрушения вчерашнего дня, - на самом же деле прошло уже три года. Как легко разрушить и как трудно восстановить!..

Получено официальное сообщение, что представитель английского правительства лорд Керзон предложил советскому правительству посредничество в деле заключения мира с Польшей. Для ведения переговоров в Лондон уехала наша делегация.

В связи с этим среди красноармейцев ходят всякие слухи; говорят, что 25 июля объявляется перемирие, а вскоре будет заключен мир.

24 июля. Хут. Яловици. Занимаем позицию на берегу узкой (12—15 саж.), но глубокой р. Стырь. На противоположной стороне — белополяки.

Позиция очень выгодная — от прошлой войны здесь отлично сохранились окопы с уцелевшими пулеметными гнездами и бойницами.

Влево — 9-я рота. Правее — Луцк.

Против моего участка противника немного, всего 40—50 человек при 3 пулеметах.

Чертовски хочется выкупаться, смыть грязь и пот, но близость противника заставляет отложить купанье на ночь.

Какими-то судьбами подвезли наконец сахар, чай и табак.

Под г. Луцком непрерывная стрельба. По слухам поляки укрепились в старых фортах, оставшихся от мировой войны. Против них 215-й и 216-й полки. Левее нас — 14-я кавалерийская дивизия Буденного. Вскоре придется вероятно форсировать реку.

Получив приказание разведать русло на случай организации переправы, я чуть не всю ночь ездил по реке, измеряя глубину, и меньше 2 сажен не нашел. Крестьяне говорят, что бродов никаких нет и не бывает. Некоторые участки имеют скрытые берега, хорошие спуски и подъемы, о чем я и сообщил командиру батальона.

26 июля. С. Ярославичи. Стоим в полковом резерве,

но отдыхать не приходится. Вчера, например, командиру II батальона показалось, что поляки хотят на него наступать, и он затрезвонил в штаб, прося поддержки.

Послали нас.

Мы простояли всю ночь за участком II батальона в боевой готовности—и понапрасну. Поляки и не думали наступать, подходила только их разведка, которая и напугала командира батальона.

На участке 9-й роты происходило братание. Переговаривались заставы. Поляки спрашивали, правда ли, что красные плохо обращаются с пленными, выкалывают им глаза, режут уши, расстреливают. Наши, объяснив всю вздорность и лживость подобных слухов, приглашали поляков к себе чай пить и предлагали литературу.

В результате завязалась дружеская беседа, которую прекратил вмешавшийся разговор польский офицер.

Где-то влево от нас вчера целый день шел бой. Одни утверждали, что наши перешли р. Стырь, по словам других—переправились не красные, а поляки, якобы оттеснившие 14-ю кавалерийскую дивизию.

27 июля. Опушка леса (1/2 версты вост. м. Торговицы). Сегодня ночью нашу роту как резервную снова потребовали на участок I батальона, где ожидалось наступление поляков. Мы прибыли к рассвету. Тревога оказалась ложной: противник ограничился налетом на одну из застав 3-й роты.

Моя рота расположилась в лесу в полной боевой готовности, ожидая распоряжений. Позиция в полверсте впереди. Доносится слабая перестрелка с поляками, окопавшимися на другой стороне рр. Стырь и Иква.

Я только что провел громкую читку газет. Всех бойцов интересует вопрос о предложении Керзона и о возможности перемирия, а может быть и мира.

— Знаем мы их посредничество,—скептически говорил латыш Вилем.—Языком о мире болтают, а руками пушки да снаряды подвозят панам. Просто хотят оттянуть время. Нечего было и комиссию к ним посылать... Спросить бы их, почему три года не предлагали мир. А теперь поздно, и без них скоро помиримся.

Большинство красноармейцев соглашается с тем, что теперь и без Англии мир будет, так как скоро Варшаве — капут. Но некоторые думают иначе. Возможность близкого мира, демобилизации, думы о родной деревне, — настраивают их на другой лад.

— Пишут то да се, а по-моему все это к затяжке войны... Вот как пришлют полякам помощь силой, тогда что будет?!

Тем не менее уверенность в близком окончании войны и в скорой демобилизации сильна, поскольку красные все время успешно продвигаются вперед.

1 августа. С. Войница. 30 июля нас опять потребовали на поддержку I батальона, занимавшего позицию по р. Стырь в районе большого местечка Торговица.

По прибытии туда стало известно, что противник перешел в контрнаступление и его части переправились уже на восточный берег Стырь. Части 14-й кавалерийской дивизии, державшие фронт левее нас, по слухам, не выдержали напора поляков и отошли в восточном направлении. Связь с ними потеряна. Образовавшийся прорыв был использован противником и создалась серьезная угроза нашему левому флангу и тылу. Положение обострялось тем, что у противника была обнаружена кавалерия.

Командир батальона приказал мне занять для обороны участок южнее Торговица, по берегу р. Иква (впадающей в Стырь у местечка), что я и выполнил с большим трудом, так как роту обстреливали с противоположного берега, уже занятого поляками.

Влево по берегу я выслал разведку, от которой вскоре пришло сообщение, что в 1 версте южнее, против с. Рудели, через Иква имеется исправный деревянный мост и что разведчики ведут перестрелку с неприятельской конной разведкой, засевшей в Рудели. Мне было ясно, что в настоящий момент важнее всего удержать за собой мост, иначе противник воспользуется им для развития своего флангового удара. Послав разведке пулемет и приказав ей удерживать мост до распоряжения, я донес обо всем командиру батальона.

Вскоре меня известили о том, что к мосту направляет-

ся 9-я рота и пешая разведка полка, с которыми мне предлагалось держать связь.

31 июля к вечеру на всем фронте полка началась бешеная пулеметная и ружейная стрельба, правда, не причинившая нам никаких потерь: хорошо сохранившиеся окопы отлично укрывали нас. Значительно хуже обстояло дело у поляков, которые залегли в наспех вырытых одиночных окопчиках.

К ночи все стихло.

Сегодня утром мы были до крайности изумлены: противник исчез.

Вскоре пришел приказ о движении вперед, для чего полк собрался предварительно в чешской колонии Малеваны.

Весь путь от колонии до с. Войницы, особенно в районе м. Млынов, также носит яркие следы недавней империалистической войны: непрерывные линии окопов, глубокие котловины убежищ, блиндажей, артиллерийские позиции, кресты братских кладбищ. Массивные бетонированные позиции для артиллерии и пулеметов, железобетонные покрытия убежищ и блиндажей, многочисленные ветки узкоколеек с сохранившимися еще кое-где шпалами, различные надписи и указатели на немецком языке—все указывало на то, что эти позиции принадлежали австрийской армии.

Млынов еще не залечил ран, нанесенных войной. Многие дома полуразрушены, стены церкви, костела и нескольких двухэтажных домов изрешетены пулями; кое-где зияют пробоины снарядов.

В ночь на сегодня наше охранение задержало двух красноармейцев, пытавшихся дезертировать.

Во время похода на одном из привалов комиссар и командир полка устроили по этому случаю небольшой летучий митинг, после которого оба дезертира были тут же, на глазах у всех, расстреляны.

— Так их и надо! Воевать—так всем воевать. Все равно и дома поймают!—говорили между собой мои рязанские дезертиры.

РАНЕНИЕ. СНОВА В РОДНОМ ПОЛКУ.

2 августа. С. Перекалы. С утра полк вместе с другими частями дивизии перешел в наступление, дабы ликвидировать прорыв. II батальон получил задачу выбить противника с участка с. Охматков—с. Княгинино.

Справа, у с. Красное, наш фланг обеспечивала конная разведка полка. На Демидовку был направлен II батальон. Еще до столкновения с поляками к нам присоединились 83-й и 84-й кавалерийские полки 14-й кавалерийской дивизии (очевидно вернувшиеся), которые также имели задачей наступление на Княгинино.

Наш батальон, в котором осталось всего 110—120 штыков, воспрянул духом, надеясь на то, что кавалерия (500—600 чел.) разделит с нами бой и тем облегчит нам задачу. Но не тут-то было. Командир бригады заявил, что он будет лишь развивать успех, после того как пехота собьет поляков.

Надо сказать, что против нашего батальона действовал 3-й уланский полк в составе 600 сабель. Тов. Несцер настойчиво просил о помощи, но безрезультатно. Единственно чего мы добились, это поддержки конной артиллерии.

В 3 часа командир батальона приказал перейти в атаку. Мне предстояло занять с. Перекалы. Развернув роту на западной опушке лесочка, я повел цепь быстрым шагом.

Бойцы тотчас же попали под сильный артиллерийский огонь поляков, но быстрое движение роты избавило нас от потерь. Над головами по-осиному запели первые пули. Поляки, видимо, занервничали, ибо открыли огонь почти с 2 верст; они укрепились на восточной опушке леса, что восточнее Перекалы.

Без единого выстрела мы стремительно двигались вперед. Огонь становился сильнее: уже были ранены два красноармейца. Застрочили и наши пулеметы.

7-я рота (правее нас) и 9-я рота (левее) отстали, и я остановил свою цепь, опасаясь, что разрозненный удар ничего кроме потерь не принесет.

Однако ждать под губительным огнем, когда подтя-

нутя роты, было немыслимо,—и я снова пошел в атаку. Бойцы с криком «ура» бросились на белополяков, которые сначала по одному, а потом и группами начали покидать окопы и, отстреливаясь, уходить в лесок. Ворвавшись в окопы, мы никого там уже не застали. Стрелки продолжали энергично преследовать отступавших поляков, которых было примерно 100—150 человек. 7-й и 9-й рот не было видно.

Взводные командиры Дорофеев и Вилем с группой красноармейцев, расстреливая на ходу врага, запели «Интернационал».

Пройдя лесок, мы подошли к деревне, как вдруг сзади нас в 30—50 шагах показалось 5 поляков, очевидно заблудившихся в лесу. Они без сопротивления сдались, и я быстро опросил их. Оказалось, что против нас дрались 3-й и 4-й эскадроны 3-го уланского полка, всего 135 чел., не считая коноводов. Красноармейцы хотели было **тут** же раздеть пленных, но я им категорически запретил и отправил поляков под конвоем в штаб полка.

Стрельба затихла, и мы уже входили в деревню, когда нас обогнала кавалерийская бригада, летевшая на карьере, чтобы продолжать преследование поляков.

По занятии деревни я получил распоряжение укрепиться и упорно оборонять Перекалы.

Думаю, что это мне вполне удастся, так как позиция очень удобная.

Деревня разделяется на две части широкой (шагов 400) болотистой, непроходимой долиной, пересекаемой лишь одной гатью, которую я взял в перекрестный обстрел из двух «максимов». Села Охматково и Княгинино заняты. Бой под Демидово продолжается.

Отдыхаем.

3 августа. Войница. Сегодня утром в бою за Перекалы меня ранили в левое бедро. Сейчас лежу в обозе I разряда, дожидаясь отправки в лазарет.

Дело было так: с рассветом на участке 7-й роты началась перестрелка, и вскоре завязался настоящий бой.

Я приказал роте приготовиться.

Вскоре и на нашем участке показалась цепь против-

ника в 250 - 300 человек. Поляки остановились на берегу долины, пережидая успеха на другом участке. Часа через два неприятель сбил 7-ю роту и стал обстреливать нас уже справа.

Стрелки занервничали.

Под сильным ружейным и пулеметным огнем поляков я вынуждён был пойти на правый фланг. Пробежав 20—30 шагов, я почувствовал сильную боль в бедре, но сгоряча не придавал этому большого значения и побежал дальше. На правом фланге ничего серьезного не оказалось.

7-я рота несколько отступила, но поляки, продвинулись вперед незначительно, так как наш пулемет открыл по ним косоприцельный огонь.

Моя нога онемела; в сапоге захлюпало, так как слишком много натекло крови. Передав роту т. Вилему, я отправился с помощью одного красноармейца искать перевязочный пункт.

★

Вчера, после занятия Перекалы произошел возмутительный случай. Где-то впереди в кустах стонал раненый польский солдат. Я послал санитаров, чтобы они подобрали его и отправили в тыл. Пока санитары собрались (искали подводу), командир пулеметного взвода Шаблевский нашел раненого поляка, обобрал его и пристрелил. Я тотчас же написал донесение командиру и комиссару полка с просьбой предать Шаблевского трибуналу.

Сегодня в моей роте молодой красноармеец, недавно записавшийся добровольцем, ранил себя в руку. Факт самострела был установлен некоторыми бойцами, и я сообщил о нем в полковой и бригадный перевязочные отряды и комиссару.

В бою под Перекалы рота потеряла 8 человек ранеными (я девятый) и двух убитыми. В ней осталось вместе с комсоставом всего 35 человек.

В течение дня противник неоднократно переходил в атаку, однако полк удержал все позиции. Моя рота уже без меня оставила было Перекалы, но после обеда вновь выбила оттуда поляков. В с. Войница недавно прибыл

Вилем, раненый в ногу выше колена. Тяжкое ранение в грудь получил также другой мой командир взвода Середа. Третий командир взвода т. Дорофеев попал в плен. Из строя выбыли почти все командиры отделений. В роте осталось всего 22 человека. Встал вопрос—кому сдать роту. Единственно подходящим был каптенармус Рыжиков, бывший унтерофицер, рабочий с Катаво-Ивановского завода на Урале; в Красную армию он поступил добровольцем. Я вызвал его.

— Ну, т. Рыжиков, пришла и твоя очередь поработать. Довольно сахар да хлеб вешать, да портянки считать. Бери моего коня, мой карабин и патроны и принимай роту до моего возвращения. Больше никому.

Тов. Рыжиков принял назначение с нескрываемой радостью, потому что он и раньше просил меня перевести его в строй.

8 августа. Г. Ровно. За два дня I и II батальоны захватили более 80 пленных, офицера, пулемет и целый воз польских марок, привезенных для раздачи жалованья белополякам.

За последние бои полк понес большие потери. Убиты помкомроты 7 т. Нефедов, конный разведчик Редючкин—заслуженный старый отрядник—и человек 15 красноармейцев. Ранен командир 7-й роты т. Гришин и тяжело ранена (пятью пулями в область таза) Вера Владимировна Магнуцкая, пользовавшаяся огромной популярностью среди бойцов. Несмотря на свой возраст (48 лет), она всегда находилась на передовой линии. Одета в красноармейское обмундирование, с мешком индивидуальных пакетов на спине, с винтовкой в руках, Магнуцкая всегда была в наиболее опасных местах. Не раз спасала она бойцов от верной смерти своевременной перевязкой или от плена, унося раненого на себе.

Я помню Магнуцкую еще с восточного фронта. В бою под Симбирском 12 сентября 1918 г., нагоняя с пулеметом передовую цепь, мы увидели санитаря, перевязывающего тяжело раненого. У кого-то из нас он попросил фляжку с водой для раненого. Меня удивил женский голос санитаря.

— Это Магнуцкая, — разъяснили мне, хотя и баба, да лучше многих мужиков... и храбрее и жалостливее...

168-й эвакуационный пункт 1-й Конной армии. Лежим и скучаем...

Рана моя уже заживает; боли не чувствую. Зря пугали меня тяжелым лечением. Хороший исход объясняется очевидно тем, что рана моя не загрязнилась, нето мне пришлось бы познакомиться с чисткой. Это очень неприятная операция. Рану набивают марлей, а на следующий день, когда марля чуть не срастается с мясом, ее вытаскивают.

Боль, говорят, страшная.

Через недельку надеюсь вернуться в полк. Успел уже сильно соскучиться по товарищам, с которыми меня тесно сроднили два года совместной боевой жизни, ее горести и радости.

Иногда вспоминаю Москву, где голодает моя семья. В полку у меня есть мука, но ее не с кем послать, а самому уехать нельзя.

10 августа. Ровно. Вчера прибыли раненые 25-й дивизии, которая действует уже за Бугом. На западном фронте наши продолжают успешно продвигаться. Добить панскую Польшу и заключить мир с рабоче-крестьянской Польшей — вот наш лозунг, и мы его осуществим. Поручкой этому может быть хотя бы то, что наши армии уже оперируют сейчас в Галиции и на р. Буге.

14 августа. Лазарет им. Буденного, г. Житомир. Из Ровно эвакуировали сюда, в г. Житомир, хотя мы с Вилемом и просили выписать нас и отправить в полк.

Перед разгрузкой из санитарного поезда получился конфликт: раненые не хотели выходить из вагонов до тех пор, пока не возвратят оружие, отобранное у нас прошлой ночью. Только уверения комиссара госпиталя, что оружие он примет от санпоезда и каждый при выписке получит то, что ему принадлежит, успокоило нас, и разгрузка произошла спокойно.

Житомир — город красивый, чистый. Магазины почти все открыты, видимо есть и товары.

Условия лечения очень хорошие: прекрасное питание

и образцовый порядок. Чистота такая, какой мне еще не приходилось видеть в лазаретах. Нам, легко раненым, разрешили пользоваться своей одеждой, и поэтому большинство из нас бывает в лазарете лишь утром на перевязке, на обеде и ночью, а все остальное время проводим на воздухе, благо погода великолепная.

21 августа. Лазарет. Рана у меня уже совсем зажила; завтра иду на комиссию, где буду проситься в полк.

Скучно здесь, хотя я много читаю, особенно беллетристику. При госпитале не дурная библиотека. Каждый день присылают билеты в театр. Третьего дня ходил на «Мазепу». Понравилось. Вчера был на лекции «О вселенной». Лекция сопровождалась световыми картинками. После нее дали концерт, в котором большая часть песен и частушек была посвящена Буденному и Конной армии.

Только о пехоте ни слова, а ведь она решает войну...

22 августа. Был на комиссии. Признали здоровым и подлежащим выписке. Завтра еду. Вилем остался, ссылаясь на то, что рана еще не зажила; в действительности же ему просто не хочется расставаться с одной из сиделок.

23 августа. Вокзал г. Житомира. Жду поезда. Прощай, Житомир. Отдохнул, а теперь пора и честь знать — к товарищам ехать.

Жалею, что не пришлось побывать дома, хоть бы глазком одним взглянуть на своих родителей. Два года с лишним прошло с тех пор, как я расстался с ними, два самых тяжелых года, прожитых на голодном пайке, когда вместо $\frac{1}{4}$ фунта хлеба частенько выдавали подсолнухи или овес.

Провожая меня на фронт, мать отдала мне последний кусок хлеба и селедку; вечером же должны были притти с работы отец и брат, которым ничего не осталось.

Надо сознаться, что я, будучи на фронте, мало помогал своим родителям, за что они вполне справедливо упрекали меня в своих письмах. Но много сделать я конечно не мог: почта посылок не принимала, и приходилось ждать, когда кто-либо поедет в Москву. Такие случаи случались очень редко. Значительно реже, чем на восточном фронте.

Бывает и так, кто-нибудь едет, а послать-то, глядишь, и нечего.

27 августа. С. Селецбеньки. Галиция. После четырехдневных мытарств я добрался наконец до своих.

Несмотря на то, что ехать пришлось в прифронтовой полосе, поезд набит частными гражданами, главным образом мешечниками и спекулянтами. Вагоны берутся буквально с боем, причем атакующие мешечники действуют организованно группами в 10—15 человек. 2-3 влезают в вагон и затем втаскивают своих.

Ясно, что бороться за место в вагоне красноармейцу, направляющемуся в часть из лазарета или отпуска, очень трудно, из-за физической слабости после ранения или болезни. И сидит наш брат где-нибудь на крыше, тормозе или буфере, дрожа в рваной шинелишке под дождем и ветром, рискуя вновь заболеть, еще не окрепнув от перенесенной болезни.

Плохо в дороге и с продовольствием. Продукты выдаются обычно в этапных комендатурах, расположенных на больших станциях и в городах. Приходится терять много времени: часто продукты выписывают в одном месте, а получить их нужно идти в дороге. Ходишь-ходишь и в результате опаздываешь к поезду.

Всеми правдами и неправдами я доехал до ст. Киверцы (недалеко от Ровно), где получил фунт хлеба, сахар, сеledку и крупу (на что крупу-то дали?), и стали размышлять, куда же мне ехать дальше. От Киверцы одна железная дорога шла на Ковель, другая—на Броды и Львов. Куда направилась дивизия? У коменданта, который казалось бы обязан об этом знать, я ничего путного добиться не мог.

Решил ехать на Ковель и взял было проходное, как вдруг заметил одного красноармейца с кипой газет.

— Какой дивизии, товарищ?

— 24-й Железной,—ответил красноармеец.

Выяснил, что наша дивизия двигается где-то южнее Луцка, штаб дивизии в м. Горохов.

Вскоре к нам присоединился еще один красноармеец 212-го Московского полка, и мы направились пешком до

ближайшей деревни, где взяли подводу и поехали в Горохов.

В штабе дивизии я узнал точно расположение бригады и двинулся дальше.

В м. Дружкополе стояли тылы дивизии. Здесь я встретил своего бывшего помощника т. Никульшина, ныне комиссара 24-го эпидемического отряда.

Переночевав у него, я утром прибыл уже в г. Стоянов, где находилась наша хозяйственная часть. Отсюда я поехал в роту на полковой повозке.

28 августа. Селецбеньки. За эти три недели в непрерывных боях полк понес большие потери. Убит командир нашего батальона т. Курганский при отражении атаки превосходящей нас по силам польской кавалерии у Павлова. В этом бою наша пехота прекрасно дралась, и поляки потеряли одними убитыми около 100 человек.

С нашей стороны убито человек 15 и ранено около 40. Причем большинство ранений нанесено холодным оружием. В начале часть польской кавалерии сумела пробиться к нам в тыл, но огнем резервных пулеметов прорвавшиеся были или уничтожены, или отбиты.

Этот успех можно объяснить только тем, что пехота не дрогнула перед конной атакой и стойко приняла противника лицом к лицу. Говорят, что стрелки даже не ложились, а встретили скакавшую кавалерию стрельбой стоя, спокойно, без малейшей паники.

Рассказывают, что в день похорон т. Курганского похоронную процессию, в которой принимал участие весь полк, сопровождал до самого кладбища польский самолет, летавший на небольшой высоте, причем нужно отдать должное вражескому летчику: он не сбросил ни одной бомбы и не сделал ни одного выстрела.

Серьезные бои полк провел под г. Стоянов, где осколком снаряда был убит мой политрук т. Донской. Наше наступление на Стоянов поляки отбили исключительно благодаря артиллерийскому огню своих бронепоездов.

Перед занятием теперешних позиций полк, вместе с другими частями дивизии, находился далеко впереди, в 20 верстах севернее Львова, под которым билась Конная ар-

мня. Несколько дней назад Конная армия почему-то отступила, ничего не сообщив нам, вследствие чего полку пришлось отступать в чрезвычайно трудных условиях; в с. Великие Мосты он, например, пробивался с боями, так как поляки заняли переправу через р. Буг.

В этих боях также пало много стойких ребят: т. Дубровский, командир роты, только что прибывший по излечении ранения в грудь, полученного еще под Речицей, командир взвода, коммунист Тимофеев, бросившийся с револьвером в руке на польский пулемет, секретарь партячейки 9-й роты т. Иванов, добровольно вызвавшийся на разведку, и ряд других командиров, политических работников и красноармейцев. Моей ротой все время командует т. Рыжиков. Рота сильно потрепана, но недавно ее несколько пополнили и сейчас она насчитывает вместе с комсоставом около 30 человек.

Во время отступления от Львова убили моего верного боевого товарища—коня «Ваську», два раза спасавшего мне жизнь и проделавшего со мной около 10 000 верст, в течение 18, 19 и половины 20 гг.

ОТСТУПЛЕНИЕ.

2 сентября. С. Селецбеньки. Сейчас стоим по р. Бугу, верстах в 40 от г. Львова. Население здесь преимущественно украинцы, а в местечках—евреи. Язык главным образом украинский и вообще весь уклад жизни очень напоминает нашу правобережную Украину: те же мазанки с фруктовыми садами, те же своеобразные церковки, та же разбросанность хат в селе, масса переулков, закоулков и тупиков. Чувствуется однако влияние Германии и бывшей Австро-Венгрии. Особенно в одежде. Не только молодежь, но и пожилые щеголяют в пиджаках и брюках на выпуск, одним словом на городской манер. Женщины одеваются также по городскому. Сейчас ввиду недостатка мануфактуры, некоторые шьют одежду из домашнего холста, вышедшего было из употребления.

Стоит отметить одно интересное обстоятельство: сколь-

ко я ни проезжал сел, почти нигде не встречал мельниц, зато почти каждый крестьянин имеет дома небольшую ручную мельницу. Ее нужно прокрутить чуть ли не целый день, чтобы намотать муки на одну квашню. Мне объяснили, что во время войны много мельниц было разрушено, а оставшиеся не работали из-за отсутствия нефти или разных запасных частей к машинам.

Население более или менее оправилось от последствий германской войны и живет довольно сносно. О недавних событиях напоминают лишь линии окопов, да полуразрушенные проволочные загорождения по р. Бугу.

8 сентября. Третьего дня бригада перешла было в наступление в общем направлении на Каменку, которую по приказу предстояло атаковать 216-му полку. Эту атаку мы должны были поддерживать ударом на хут. Гайцы. 6 сентября наш III батальон почти без боя занял хут. Гайцы и, укрепившись южнее его, стал ожидать наступления 216-го полка на Каменку с намерением содействовать ему ударом с севера. Но на участке 216-го полка не было даже перестрелки. Мы послали разведку от моей роты—вперед, от 7-й—вправо и 9-й—влево. Часа через два моя разведка вернулась и сообщила, что в хут. Польские Ланы (3-4 версты от нас) никого нет, а в с. Лопайловке (6-7 верст от нас)—поляки. Прошла ночь, а 216-й полк по-прежнему молчит, и только в полдень на его участке слышалась ружейная и пулеметная стрельба, которая впрочем вскоре стихла.

Получив приказание заночевать западнее Буга, батальон выбрал более подходящую позицию и стал укрепляться. Начало уже темнеть, когда я, выставив секреты, пошел ознакомить начальников дозоров с маршрутом их движения ночью. Только мы дошли до лесочка, находившегося в 400—500 шагах от позиции, как над нами разорвалось четыре шрапнели. Затем еще очередь и еще...

Стреляли с бронепоезда.

Возвратившись, мы никого не нашли на позиции; видимо все отступили. Нас дожидался лишь командир II взвода, оставленный командиром батальона, чтобы указать нам путь отхода.

Бронепоезд продолжал стрелять; снаряды ложились уже на самой позиции. Мы пошли по пути отступления батальона и скоро нагнали его.

Уже совсем стемнело, когда мы проходили по исправленному нами мосту через Буг и заняли старые позиции в Селецбеньки.

Так окончилось наше «наступление» на Каменку. Оказывается 216-й полк и не пытался переправляться, ссылаясь на «отсутствие бродов», что впрочем не помешало ему просить вскоре у комбрига для поддержки резервный батальон, ибо выяснилось, что «река почти всюду проходима», и полк опасался как бы поляки не стали наступать.

I батальон и 215-й полк, находившиеся, так же как и мы, западнее Буга, были вчера атакованы и отступили с потерями.

10 сентября. Сегодня 216-му полку вторично предлагалось наступать на Каменку, но он не сделал даже попытки к переправе, и через Буг никто не переправился, кроме нашего III батальона.

11 сентября. Сегодня три раза ходили в демонстративное наступление на д. Руда. Вместе с нами действовал один из полков башкирской кавалерийской бригады Муртазина, который быстро выбил поляков из деревни Хогали. Однако ему пришлось отойти, так как мы вместо того, чтобы поддержать его, почему-то стояли на месте. Впрочем трудно допустить, чтобы 120 штыков могли что-либо сделать против втрое сильнейшего противника. И так—опять неудача. Все это отражается на моральном состоянии бойцов, и хотя они идут в бой, но сами знают, что понапрасну. А так воевать—много не навоюешь!

12 сентября. Сегодня никуда не ходили, хотя и носился слух, что опять пойдем в наступление за Буг.

Стоят благодатные солнечные деньки. Но ночи холодные, туманные.

Каждый вечер к нашему расположению подходит польский бронепоезд и методично, для «очистки» совести, обстреливает расположение II батальона и затем уходит к себе во Львов. Раньше он осмеливался подходить и днем,

пока одна из наших батарей не повредила броневаягон, пристрелявшись по дыму.

Надо сказать, что положение неважное, не только у нас, но и на всем западном фронте. Противник, собрав значительные силы под Варшавой и юго-западнее, перешел в контрнаступление, разбил наши части и вынудил их к общему отступлению.

Сейчас красные стоят западнее Гродно и Белостока.

14 сентября. Д. Юзефово. В ночь на сегодня нам, командирам рот, объявили приказание командира полка о подготовке к выступлению. «Вперед или назад?»—думали мы, но ничего не было известно: предлагалось приготовить роты и ждать дальнейших распоряжений.

На позиции тишина. Поднялся сильный туман, так что в пяти шагах ничего не видно. Усилили охранения, выбросив к самой реке секреты.

Влево, на участке II батальона, слышна перестрелка—наверное столкнулись разведчики.

С рассветом батальон собрался у штаба и тронулся из Селецбеньки на северо-восток.

Вначале мы терялись в догадках относительно целей движения, но, когда вышли на большую дорогу и заметили, как с паровой мельницы растаскивают муку нашего полка, когда увидели отступающую артиллерию и большое количество обозов, каждый из нас понял, что мы отступаем...

Прошли м. Холоув. Жители хмуро провожали двигающиеся обозы и войска, собирались группами и тихо о чем-то беседовали..

Пройдя 16-17 верст, мы остановились и заняли удобную позицию. Никто, даже из комсостава, не предполагал, что придется отступать дальше, думали, что это обычное колебание фронта и что через два-три дня мы опять вернемся на Буг.

Когда мы укрепились, на позицию неожиданно приехали командир бригады т. Устинов, комиссар т. Епифанов, комиссар дивизии т. Козырев и член РВС 12-й армии т. Аралов. Они расспрашивали о настроениях красноармейцев, о том, как обстоит дело с продовольствием,

обмундированием и оружием. Им пришлось услышать мало утешительного. Стоит только поговорить с бойцами и сразу убеждаешься в том, что моральное состояние у всех совсем иное, чем когда мы шли сюда. Создалось какое-то тревожное, предрасполагающее к панике настроение, которое совершенно исключает возможность боевой работы и боевого использования стрелков. В их исполнительности нет уже прежней активности, порыва, добросовестности. Нет того желания найти врага, схватиться с ним и выполнить как следует приказание. Посылаешь, например, бойцов в разведку—и глядеть не хочется на их работу: идут, боязливо оглядываясь, словно воры, да и воры-то безоружные...

Здесь дело конечно не в недостатке обмундирования, обуви и т. д. И раньше у нас этого нехватало, да и ни когда мы не могли похвастать бесперебойностью в снабжении. Все объясняется, на мой взгляд, последними неудачами на фронте. Сейчас бы хороший бой, да такой, в котором нам удалось бы хорошенько потрепать поляков—и это сразу бы поправило дело и убедило всех, что перед нами тот же самый противник, которого мы не так давно основательно били и гнали.

Дело, по-моему, еще и в том, что в полку совершенно отсутствует политическая работа. Ссылка на боевые условия не выдерживает ни малейшей критики, и на восточном фронте мы дрались и дрались здорово, но это не мешало вести политическую работу, разъяснять красноармейцам положение и наши задачи. Ведь вот на Буге мы стояли две недели, а сделали что-нибудь? Ничего. Даже партийного собрания не было, не говоря уже о какой-либо работе среди красноармейцев. Никто ничего не знает, распоряжения, получаемые сверху, выполняются вяло.

На восточном фронте у нас был клуб, библиотека, ставились концерты, спектакли, по ротам распространялось много газет, устраивались громкие читки, собеседования, собрания, а сейчас все «тихо», «спокойно».

Я не раз беседовал по этому поводу с т. Войшицким. Но он все оправдывается, обещает, а толку никакого.

Обо всем этом я рассказал комиссару дивизии т. Козыреву и попросил его в свою очередь осветить положение на фронте. Но он и сам много не знал, сообщил только, что где-то правее нас поляки прорвали фронт 7-й и 25-й дивизий.

Тов. Жданкин (он сейчас за командира полка, так как Несцер заболел) приказал мне сдать роту т. Рыжикову и приступить к исполнению обязанностей помощника командира полка.

15 сентября. 2 часа утра. Сейчас только закончил прием нового оперативного приказа. Отходим за р. Стырь. Приказано уничтожать все мосты и переправы. Приказания комбатам и хозчасти уже разослал.

С рассветом выступаем.

15 сентября. Д. Кутров. За день отошли верст на 30.

На рассвете прошли гор. Радзихов, где в полк влился отряд рабочих и батраков в 30 человек. Все были вооружены, но патронов не имели. Добровольцев распределили между ротами III батальона, где меньше всего народа.

Двигаясь на восток, мы оставляли за собой деревню за деревней. Прощай, Галиция!

Наконец прибыли в село Мерва, в котором должны были расположиться I и II батальоны. Позиция хорошая, со старыми отлично сохранившимися окопами, вырытыми по правому берегу р. Субиловка.

Про поляков ничего не слышно.

Приехал т. Несцер, лечившийся в обозе II разряда. В Мерве мы столкнулись с отступавшим 210-м стрелковым полком 70-й бригады (вновь образованная бригада—составлена из 208-го 209-го и 210-го полков, входивших в состав бывшей 14-й западной Казанской бригады).

Ну и полк! Он насчитывает 1 500—1 800 штыков, в то время как у нас во всей бригаде и 1 000 штыков нет. Все красноармейцы одеты, как говорится, с иголочки: новые шинели, хорошие сапоги—прямо картинка! Вооружены новенькими кавалерийскими винтовками: в общем, снаружи—все замечательно.

Но только снаружи...

Настроение у красноармейцев подавленное, много больных и отставших, большинство командиров—из бывших офицеров, хотя и усердно козыряют друг другу, но после разговора с ними оставляют скверное впечатление: такие воевать не будут!

Отношение их к советской власти отрицательное, в лучшем случае безразличное. Несмотря на то, что в боях они еще не были, большинство убеждено заранее в нашей неудаче и в бессилии.

Полки сформированы видимо наспех. Так например отсутствует необходимейший обоз I разряда; пулеметов мало, да и те возятся на обыкновенных двуколках, отчего материальная часть быстро изнашивается.

Хорошо характеризуют новую бригаду, такие штришки. Беседуют между собой два красноармейца. Один 210-го полка, другой наш.

— Ну вот теперь-то мы повоюем,—говорит наш,—теперь берегись паны...

— Лучше уж не воевать,—сумрачно роняет красноармеец 210-го полка,—толку-то нет.

— А что, товарищи, берут поляки в плен?—спрашивают некоторые наших.

— В плен? Вот попадись только, тогда узнаешь, берут они в плен или нет!..

В общем наши красноармейцы, несмотря на то, что они раздеты и разуты, прямо герои по сравнению с бойцами 210-го полка. А я еще думал, что хуже, чем у нас, и настроения нет.

По-моему, эту бригаду следовало бы распределить по дивизии. Наш обстрелянный, испытанный кадр быстро бы перемолол и переработал этих людей, поднял бы их настроение, и дивизия повысила бы свою боеспособность не только количественно, как сейчас, но и качественно.

Штаб полка остановился здесь в Кутрове, недалеко от м. Берестечко.

Обстановка немного проясняется. Известно, что поляки прорвали фронт в районе Ковеля и Брест-Литовска,

потрепали основательно 7-ю, 25-ю и 44-ю дивизии, которые спешно отступают на г. Луцк.

Завтра идем дальше.

Горит мост, подожженный по нашему приказанию I батальоном.

16 сентября. С. Рудка. Рано утром полк, собравшись в м. Берестечко, двинулся на Демидовку. Пропустив мимо себя весь полк и обозы, штаб во главе с командиром и комиссаром остановился у большого деревянного моста через реку Стырь.

Разведчики быстро натаскали соломы, принесли с находившейся недалеко мельницы мазут и зажгли этот мост. Пламя быстро охватило нижнее строение, и длинные языки огня начали уже лизать перила.

Вдруг прискакал какой-то верховой и передал, что через мосты должны переравиться раненые.

Проехать еще можно было, и 5-6 подвод с ранеными быстро спустились на мосту и скрылись в густом дыму. У одной из телег посредине моста неожиданно соскочило колесо, и повозка остановилась... Раздались крики раненых. Тогда группа разведчиков бросилась на мост и вскоре вытащили на себе застрявшую повозку и как-раз во время. Мост разгорелся на славу.

Густые, черные клубы дыма медленно подымались вверх... Пламя охватило уже и верхний настил... Разведчики пошли еще за мазутом.

Вдруг мы опять увидели двух скачущих к мосту кавалеристов, которые что-то кричали, отчаянно размахивая руками.

Подъехав к мосту, они на секунду остановились, затем, закрыв лицо руками и пригнувшись к седлам, карьером понеслись по горящим доскам. На мгновение всадники скрылись в дыму и через секунду очутились на берегу.

— Стойте, товарищ, что вы делаете?! Сзади все обозы башкирской бригады и один полк конницы!.. Где у вас начальник?

Они подробно рассказали т. Несцеру о положении вещей, и он тотчас же приказал тушить. С обоих берегов

собрались жители. Они еще раньше упрашивали командира полка пожалеть их и не жечь моста и без промедления принялись вместе с нашими разведчиками энергично тушить.

К моменту подхода войск мост был настолько затушен, что по нему можно было проехать, правда сохраняя большие дистанции между повозками, так как нижнее строение моста почти сгорело.

Башкирский кавалерийский полк благополучно прошел, и за ним потянулись обозы...

Приказав конной разведке после прохода войск вновь зажечь мост, мы догнали полк и часа в четыре прибыли в село Рудку, где и расположились на отдых.

Во время обеда т. Несцера вызывал к телефону т. Устинов.

На всякий случай (может чего записать придется) пошел и я.

— Слушаю, товарищ комбриг, слушаю...—взял трубку т. Несцер.—Что, что? Так. Так. Понятно,—говорил т. Несцер, заметно волнуясь.—Отступать? На Дубно? Понимаю. Будет выполнено. Все? Я у телефона, слушаю... Послать разведчиков в Демидовку и от вашего имени приказать всем находящимся там частям отступать на восток? Есть. Переправы и мосты уничтожать? Будет все выполнено.

После разговора с Устиновым собрался штаб.

— Дело, товарищи, плохо,—объявил Несцер,—поляки оттеснили 7-ю и 25-ю дивизии, и сейчас противник впереди нас и обстреливает Млынов, т. е. это значит, что он уже 15—20 верстах в тылу у нас. Устинов приказал передать всем частям приказ о немедленном отступлении на восток, за р. Икву.

— Адъютант, вызовите ко мне начальника команды конных разведчиков, а вы, т. Жданкин, собирайте батальоны. Как только стемнеет—выступаем.

Успеем ли все мы отойти за реку Икву,—вот вопрос, который задавал себе каждый из нас.

Нам отлично известна широкая, сильно заболоченная, совершенно непроходимая долина Иквы, и мы понимаем,

что может случиться, если противник успеет занять или уничтожить немногочисленные переправы.

Настроение ухудшилось от целого ряда мелких сведений, поступавших в полк. Обычно такие сведения всеми игнорировались и на них не реагировали, но в такое время и они влияли на моральное состояние не только бойцов (а им все быстро делалось известным от телефонистов), но и комсостава.

Так например, вернувшиеся с исправления линии штаб-полк—штабриг телефонисты сообщили, что 212-й полк в своем движении уничтожает телеграфную и телефонную связь. Тов. Несцер пытался вызвать командира 212-го полка к телефону, но безуспешно. Зато ему пришлось иметь довольно странный разговор с включившимся в линию якобы командиром эскадрона 26-го кавалерийского полка, который просил сообщить, где стоит штаб полка, батальоны и куда отступать. Подозревая неладное, т. Несцер указал общее направление отступления «а где стоит штаб полка, батальоны, вам это сейчас не важно знать»,—заклучил он.—«Я остаюсь с эскадроном здесь—продолжал разговор «командир.—Мы успеем нагнать вас и завтра»—добавил незнакомец.

Немного спустя телефонисты передали, что в телефон слышна польская речь и что с нами говорил польский офицер. По сообщению вернувшейся разведки в Берестечко и в Демидовке наших никого нет, а поляки находятся в 5 верстах.

Где-то вправо завязалась перестрелка.

Начало темнеть. Пришел III батальон. Нет только I батальона. Настроение у всех, даже в штабе, самое отвратительное, близкое к панике. Командир полка, его помощник, комиссар, адъютант—нервничают, волнуются, кричат на телефонистов и ординарцев; только и слышишь: «скорей», «моментально», «аллюр три креста», «не жалейте лошадей» и т. д. в таком же роде. Короче говоря, работники штаба в тяжелую минуту показали неумение владеть собой, отсутствие выдержки и хладнокровия, непонимание того, что все это быстро передается рядовым бойцам.

Такое поведение особенно странным и неожиданным казалось со стороны т. Жданкина, которого я до сих пор считал выдержанным, спокойным, умевшим сохранять хладнокровие в самые критические моменты. Единственно кто не поддался общей панике — командир батареи: он шутил, смеялся, рассказывал пулеметчикам веселые анекдоты.

Комиссар и секретарь партийной организации молчат. А ведь сейчас, как никогда нужно слово ободрения, призыва к спокойствию, разъяснить обстановку, рассказать что от нас хочет командование, призвать к напряжению сил, к борьбе.

Сейчас как никогда нужны ясные и твердые указания политическим работникам и партийцам по борьбе с паническим настроением среди бойцов и командного состава. Но комиссар спит!

Уже 12 часов ночи, а I батальона все еще нет.

Связи ни с кем не имеем, ибо все части очутились сзади нас, отходят.

Наконец-то пришел батальон, и полк двинулся в путь.

17 сентября. Хут. Кривухи. Стоим в 5 верстах западнее г. Дубно. Ночной марш совершался в чрезвычайно тяжелых условиях. Темнота — глаз выколи! Движение ухудшалось тем, что каменистая дорога большей частью шла лесом. В начале еще шагали дружно, колонной, но со середины пути стали растягиваться, а потом пошли как попало. Колонна растянулась на две версты с лишним. Обозы перемешались с пехотой и в большинстве отстали, так как вследствие плохой дороги повозки часто ломались. Бойцы, сделавшие еще днем 25—30 верст, засыпали на привалах от сильного переутомления. Ноги у всех страшно растерты, а про босых и говорить нечего — сплошные кровоподтеки.

Уже рассвело, когда мы, подходя к хут. Кривухи, встретили командира бригады. Он приказал после трехчасового привала двинуться вперед верст на 30 на запад, где и занять позицию — новость — поистине ошеломительная.

Тов. Устинов рассказал много интересного. Луцк занят поляками, которые в составе батальона пехоты, эскад-

рона кавалерии и с одной бронемашинной вытеснили наши крупные силы. В Дубно, по словам т. Устинова, не разбираешь, что творится, там сгрудились и перемешались обозы, артиллерия, пехота, штабы—все торопятся на восток. Рассказал т. Устинов и про то, как в Горохове чуть было не захватили в плен штаб нашей дивизии, который находится сейчас в Дубно.

Итак опять в контрнаступление. Выступаем в 4 часа дня.

17 сентября. Ночь. С. Эдвардовка. Прошли 16 верст. Здесь ночуем и завтра дальше. Сегодня получил назначение на должность командира II батальона, вместо раненого т. Чмель.

18 сентября. Хут. в 5 верстах юго-запад. Эдвардовка. Дальше не пойдем. Получили приказ занять и оборонять позицию в этом районе.

В юго-западном и западном направлениях позиция хорошая, со старыми окопами, с отличным обстрелом и наблюдением, но в северо-западном и северном направлениях, т. е. в таких, откуда больше всего следует ожидать противника, позиция неважная: леса и рощи скрывают наблюдение и обстрел.

Приказал командирам рот, оставив самое необходимое количество бойцов на позиции, всех остальных отправить на хутор (300—400 шагов от нас) и накормить...

За последнее время питаемся главным образом картошкой и хлебом. Мяса, сахара и табака не видели с самого Буга.

Много помогают фруктовые сады в деревнях с массой слив и грецких орехов. Кухонь ни одна рота не имеет, и красноармейцы находятся на самоснабжении. Надо будет, как только остановим отступление, приказать получить кухни и организовать питание, которого нет только потому, что командиры рот не хотят возиться с этим делом.

В 3 часа дня. Пришло новое приказание: опять отступаем и опять к Дубно. В чем дело? За каким же чортом нужно было шагать сюда за 20 верст!

19 сентября. С. Волицы. Шли всю ночь и только ут-

ром прибыли сюда. Направление держали на Дубно, но еще в 7 верстах от него получили сообщение разведки о том, что западная окраина Дубно занята поляками. Двинулись на юг, к с. Страклов, у которого по имеющимся у нас сведениям должен быть мост. Но когда подошли, оказалось, что мост разобран отступившим ранее 216-м полком. Пришлось восстанавливать переправу, после чего полк и переправился.

С. Волицы занял мой батальон, и так как широкая болотистая долина представляла хорошее препятствие, я приказал командирам рот отвести лишних людей в хаты, для отдыха и подкрепления. В г. Дубно, вернее в восточной его части, стоит кажется 210-й полк. Там слышна сильная оружейная стрельба и ружейно-пулеметная перестрелка.

За вчерашние сутки и ночь на сегодня мы прошли 50 верст. Голодные, с разбитыми ногами, красноармейцы выполняют марши терпеливо, без единого намека на ропот. Со вчерашнего вечера они питались лишь сливами и грецкими орехами, которыми изобиловали проходимые нами многочисленные хутора «Сады Дубенские».

19 сентября. Вечер. С. Семидубы. В полдень 210-й стрелковый полк в беспорядке отошел от Дубно. Мы хорошо видели густые цепи стрелков, поспешно покидавших город.

Мы тоже принуждены были отойти.

Мой батальон отвели в полковой резерв.

Завтра отходим дальше... Долго ли это будет продолжаться? Мы совершенно не имеем соприкосновения с противником и отступаем только потому, что правее нас отступают 7-я и 25-я дивизии. Мы ждем противника не с запада, а с севера и северо-запада. Как говорят в штабе бригады, полякам удалось развить прорыв, благодаря сосредоточению в районе Брест-Литовска превосходных сил. На нашем участке действуют лишь конные части, но мы по правде сказать их еще не видели.

20 сентября. С. Васьковцы. Двигаемся в направлении м. Шумск, что на реке Вилия. В середине пути получили приказ пропустить 210-й полк, который шел до сего времени в арьергарде.

Польское кулачество и зажиточные жители украинских сел и деревень относятся к нам враждебно. По сведениям, полученным от местных партийных работников и бедняков, в лесах (которых здесь много), есть банды во главе с офицерами, оставленными поляками при отступлении.

Эти банды нападают главным образом на обозы, на одиночных красноармейцев, на представителей местных властей, разрушают мосты, мельницы, расхищают сахар с заводов и т. п.

Сегодня жители богатого хутора обстреляли наших двух разведчиков конной команды, посланных за подводами, в хуторок, находящийся всего в 3-4 верстах от пути следования колонны полка. Один разведчик был убит. Высланная нами конная разведка атаковала хутор и захватила четырех бандитов, отобрав у них винтовку, два охотничьих ружья, заряженных на картечь, и 30 патронов.

Все четверо были тотчас же расстреляны.

Двигаясь за 210-м полком, мы то и дело встречали его отставших красноармейцев, обессиленных или заболевших. Вначале командир полка приказал нашей санитарной части подбирать их, но мы быстро переполнили свои санитарные повозки, посадив на них в течение двух часов более 50 человек. А количество отставших все увеличивалось. Под конец мы разрешили нашим красноармейцам отбирать у отстающих новенькие кавалерийские винтовки, чтобы спасти хотя бы оружие. Вскоре почти весь I батальон, двигавшийся в голове, перевооружился, сдав свои винтовки в обоз.

По приблизительному подсчету 210-й полк за сегодняшней переход потерял не менее 200 человек, т. е. по нашему больше батальона.

Причина? Может быть эта могучая с виду часть в 1900 штыков укомплектована негодными для походов людьми, может быть ее бойцы просто не хотят защищать Советскую республику? Ничего подобного! Преобладающий состав полка те же крестьяне, что и у нас, но они настолько вымотаны, что потеряли всякую способность к борьбе.

Во-первых, их пустили в бой без самого необходимого обоза, как в эпоху позиционной войны, что немедленно

сказалось на снабжении трехтысячной массы. Насколько важно наличие обоза, показывает следующее. Мой батальон, насчитывающий всего лишь 200 едоков, вынужден брать подводы, несмотря на то, что каждая рота имеет три парные повозки, не считая пулеметной, и кроме того 2 лошади для кухни, которой правда у нас нет.

Во-вторых, большое значение имеет организация марша, особенно если часть еще не втянулась в поход, как 210-й полк, только что прибывший из тыла. Если у нас нет ни одного отставшего, то это объясняется не только натренированностью бойцов, но и опытом комсостава от командира полка до командира роты. Опыт этот сказывается и в выборе времени для похода, и в умении использовать каждую остановку в целях подкрепления сил, и в облегчении бойца от лишней тяжести (собственные вещи красноармейцев перевозятся на подводах). У комсостава 210-го полка, судя по рассказам бойцов, этого опыта и умения видимо нет. Красноармейцы, идут, нагруженные собственными вещевыми мешками, снаряжением и большим количеством патронов. Такую нагрузку можно требовать лишь от бойцов, втянутых в марш, при наличии сносного питания и при соблюдении норм суточных переходов. Но не теперь, когда в течение 15 часов при 3-часовом привале, сделано 50 верст и нужно продолжать путь дальше.

В-третьих, политическая работа. Правда, в этом отношении у нас дело обстоит не лучше, чем и в 210-м полку, но мы имеем другой комсостав. Наши командиры почти сплошь из бывших унтерофицеров и рядовых и естественно, что они близко принимают все нужды красноармейцев. Все они живут одинаковой жизнью с бойцом, который, видя это, легче переносит все лишения.

Кроме того, в каждой роте у нас 20—30% кадра, т. е. старых отрядников, которые много помогают нам в политвоспитании бойцов. Непосредственное общение, разговоры командиров с красноармейцами на привале, почлеге, в походе до известной степени возмещают отсутствие организованной политической работы.

В 210-м полку нет ни того, ни другого.

В штабе полка есть сведения, что г. Ровно сдан. Красные оставили также Острог и Кременец. Из 210-го полка ползут панические слухи о том, что мы в кольце, что остается одно: или пробиваться, или сдаваться в плен. Я проинструктировал сегодня командиров рот и политических руководителей о необходимости решительной борьбы с паникерством, разъясняя бойцам истинное положение, указывая на вздорность слухов. Если даже нас и окружили, мы пробьемся так же, как неоднократно пробивались на восточном фронте и как вышли из окружения у м. Великие мосты под Львовом.

ПРОБИВАТЬСЯ ВО ЧТО БЫ ТО НИ СТАЛО!

21 сентября. С. Загорцы. В ночь на сегодня спали только 4 часа. В полночь из штаба полка пришел приказ о немедленном отступлении дальше. Ночью прошли мимо большого м. Шумск и к рассвету заняли Ходаки (на р. Вилия), где моему батальону было приказано обеспечивать переправу через Вилию впредь до прибытия 210-го полка, который шел другой дорогой.

Выставив на противоположной стороне моста взвод с двумя пулеметами, я отвел остальных бойцов во дворы и приказал немедленно варить картошку и солонину, несколько бочек которой ротные каптенармусы захватили в с. Васьковцы, где ее бросил какой-то обоз.

Через несколько минут уже горели костры. Солонина, картофель и чай готовились в ведрах.

Люди, подкрепившись, отдыхали по дворам, на сене, соломе или просто на траве в тени. Я пошел потолкаться среди красноармейцев.

Совместное пребывание пехоты с обозами (здесь стоят многочисленные обозы полков всей бригады, продовольственные и санитарные летучки и пр.) привело опять к тому, что среди стрелков распространились самые нелепые и невероятные слухи. Бойцы засыпали меня вопросами: правда ли, что мы окружены, что отрезана последняя дорога, по которой мы могли бы отступить, что появились банды Махно (!!), Булак-Балаховича (!!!).

Я, рассказав об обстановке (хотя и сам знал о ней очень мало), призывал бойцов к спокойствию и к вере в свои силы и свое оружие.

— А если нас в самом деле отрежут? спросили меня в большой группе красноармейцев 5-й роты, — что тогда?

— А вот давайте обсудим, — сказал я. — Предлагайте товарищи, какой по вашему выход?!

— Пробиваться во что бы то ни стало! Бросим обозы, но с пулеметами и винтовками в руках пробьемся! — дружно ответили бойцы.

— А ежели не удастся, на партизанские отряды разобьемся, вон леса-то какие кругом, а в плен не пойдем, — убежденно говорил один красноармеец. — Только вы нас не кидайте, а мы не подкачаем!

Общее мое впечатление таково, что красноармейцы и даже командиры почему-то уверены, что мы будем отрезаны противником. Это убеждение подкрепилось тем, что каптеры нашего полка, поехавшие в Кунев, с полдороги вернулись, так как жители передали им, что в Куневе поляки. Каптенармус моей пулеметной команды т. Пого-рельский совсем не возвратился, очевидно попал в плен.

210-й полк прибыл в 12 часов, но сменил меня в 2 часа. Я имел лишний раз удовольствие познакомиться с дисциплиной этого полка. На моих глазах командир одной из рот более часа собирал взвод. Только после криков, угроз и просьб ему кое-как удалось собрать 7 человек, которые и сменили мою заставу.

Поневоле сравниваешь со своими красноармейцами. Как бы они ни были измучены и голодны, но приказы идти в караул или в заставу, распоряжение выполняется незамедлительно; если шамают — кусок хлеба в ладонь, картошку в котелок и айда — идет и ест!

22 сентября. С. Дворец на реке Горынь. По дороге сюда с нашей колонной двигался штаб бригады, благодаря чему я имел возможность поговорить со своим старым другом т. Крючковым, заведующим разведкой бригады.

Оказывается, слухи, носящиеся среди красноармейцев, имеют некоторые основания.

Положение на нашем участке фронта действительно скверное. Поляки форсировали р. Горынь, южнее нас, и заняли с. Чижовку в 15 верстах восточнее реки; лучше обстоит дело севернее нас, так как противнику не удавалось на участке нашей дивизии форсировать Горынь и таким образом нашему правому флангу пока ничто не угрожает. Славута еще в наших руках. Все обозы направлены через гор. Изяславль на ст. Шелетовка.

Я со своим батальоном опять прикрываю переправу, которую после проходадвигающегося сзади 210-го полка приказано уничтожить. Последняя задача не из легких: мост на половину железобетонный, для уничтожения его мне дали только три гранаты Новицкого и десятка два трехдюймовых снарядов. Что делать, я прямо не знаю! с такими средствами я могу уничтожить лишь по одному деревянному пролету с обеих сторон, но исправить такое повреждение можно в два-три часа.

Только что прошел 215-й полк, 210-го еще нет. Наш полк будет двигаться в арьергарде.

22 сентября. Вечер. Новость, позорная для всей 24-й Железной дивизии: 210-й полк почти целиком сдался в плен. К переправе прибежали человек 150, многие без винтовок, некоторые бойцы в самом жалком виде.

Рассказывают, что полк шел колонной без всякого охранения и его обстреляла из одного лесочка кавалерия противника. Произошла паника. Командиры растерялись, многие бойцы сами побросали оружие.

Полк был захвачен эскадроном конницы. Комбриг приказал мне всех вернувшихся взять к себе в батальон, так что у меня теперь около 300 человек.

Сейчас отступаем на г. Изяславль. Для разведывания и уничтожения моста оставляем нашу конную команду разведчиков.

23 сентября, позиция в 2 верстах севернее Изяславля. Первые бои за все время нашего отступления с р. Буг.

Утром бригада развернулась на позиции южнее г. Изяславль с целью дать время отвести скопившиеся на шоссе обозы. Неприятельская кавалерия, как и следовало ожи-

дать, появилась с юга и повела наступление на 216-й полк, расположившийся на неудобной для обороны позиции.

216-й полк не выдержал натиска и начал отступать, причем потерял около 100 человек зарубленными и пленными.

Нельзя не отметить геройской работы нашей батареи. Она выехала на галопе на открытую позицию и открыла беглый фланговый огонь по коннице, наступавшей всего в 1 000 — 1 500 шагах. Снаряды, беспрерывно ложившиеся перед цепью поляков, не дали им развить удар и спасли 216-й полк. С помощью развернувшихся батарей 215-го и 216-го полков наша батарея заставила поляков приостановить наступление до подхода их артиллерии, что дало возможность 216-му полку упорядочить отход.

Но вот и польская артиллерия открыла бешеный огонь и прежде всего по нашим совершенно открытым батареям, которые вынуждены были поспешно сняться с позиции и уйти в лес. Поляки, пристрелявшись по пыли, поднятой отступавшим обозом, перенесли огонь на шоссе.

У южной окраины г. Изяславля началась паника. Всюду у мостиков образовались пробки. Каждая повозка хотела первой просхать вперед. Артиллерия, обозы сбились в 3-4 ряда. Все думали только об одном, как бы выйти из-под обстрела, хотя еще ни один снаряд не разорвался в этой живой кишке. В воздухе висели крики, ругательства, грохот батарей, вправо и влево разрывались снаряды. Группы отступающих красноармейцев 216-го полка уже перегнали мой резервный батальон, который я вел цепочкой по правой обочине шоссе, приказав во избежание потерь от осколков взять 5 шагов дистанции.

В городе мне встретился командир бригады, который, увидав мчавшийся обоз, спросил меня:

— В чем дело? Как на позиции?

Я ответил, что 216-й полк отступил, причем большая часть его находится уже впереди моего батальона, так что на мой взгляд наш левый фланг обнажен.

Комбриг приказал мне повернуть обратно и занять позицию юго-восточнее города, которую я через час и занял.

Через час было приказано отойти на новую позицию

в 2 верстах севернее Изяславля, где собралась вся бригада. Укрепляемся.

4 октября. 80-й эвакуационный госпиталь г. Курск. Лежу раненый в обе ноги. Только сегодня немного оправился, по крайней мере настолько, что в состоянии писать.

23 сентября к 3 час. дня все части бригады заняли оборонительную позицию по возвышенностям, севернее и северо-восточнее Изяславля. Позиция была очень удобна, так как правый фланг упирался в Горынь, а левый хотя и был открыт, но по условиям местности исключал возможность удара со стороны противника.

Правее шоссе укрепился I батальон, левее—III. В лесу у домика лесничего и кирпичного завода в резерве стоял мой батальон.

Противник сосредотачивался в Изяславле. Часа в четыре несколько польских эскадронов пытались атаковать 216-й полк, но были отбиты. Час спустя началась стрельба и на участке нашего полка. В бинокль было хорошо видно, как длинная черная лента противника втягивалась в город, разворачивалась на северной его окраине и длинные цепи поляков повели наступление. Немного спустя командир I батальона донес т. Несцер о переправе неприятельской кавалерии через Горынь против правого фланга, где оказывается есть брод.

Кавалерия была отбита, но командир батальона все же просил для обеспечения правого фланга выделить хоть сколько-нибудь бойцов из резерва.

По приказу т. Несцер я выслал туда 4-ю роту. Едва она начала опушкой леса пробираться на правый фланг, как мы увидели, что III батальон, поднявшись и отстреливаясь на ходу, стал отступать в лес. Видны были и поляки. Они шли густой цепью в 600—700 человек, не менее чем в полуверсте впереди нас.

I батальон еще держался, но одиночные беглецы с левого фланга уже присоединялись к отходившему III батальону.

Командир полка приказал мне с двумя ротами влиться в цепь III батальона, остановить его и перейти в контр-

атаку. Пулеметной команде батальона дали задачу открыть с повозок через голову своих огонь по полякам.

Получив приказания, я побежал в лес, вывел свежие 5-ю и 7-ю роты (с лучшими командирами—Ростовым и Павличенкой), рассыпал роты в цепь, и мы скорым шагом бросились навстречу III батальону, уже в беспорядке отступавшему. Я видел, как начал отходить I батальон... Сейчас же послал командиру 4-й роты т. Приходько приказание влиться в I батальон и увлечь его в контратаку вместе с нами.

Командир III батальона и командиры рот безуспешно пытались остановить бегущих. Но вот расстроенная цепь отступающих увидела нас, поддержку, и основательную поддержку в 180—200 штыков... Критическая минута: или нам удастся увлечь их за собой, или они нас увлекут.

Дружное «ура» и крики командиров «вперед, товарищи!» пронеслись по нашей цепи. Мгновение... и остановившийся III батальон вместе с нами, стреляя на ходу, бросился вперед в контратаку. Тотчас же с опушки леса застрочили 6 пулеметов через наши головы.

Незабываемая минута!

Поляки были уже в 400—500 шагах. Не ожидая такого оборота, они остановились, залегли и открыли огонь.

К II и III батальонам присоединился и I, и таким образом весь полк перешел в контрнаступление.

Покинутые III батальоном окопы—мимо! Огонь поляков усилился. Открыла стрельбу и их батарея.

Я огляделся. Вокруг были лишь несколько командиров и около 30 стрелков, остальные отстали, и, стреляя на ходу, медленно продвигались к нам.

Чтобы дождаться отставших, мы заняли проходившую параллельно фронту глубокую канаву и открыли огонь по кладбищу, откуда строчил неприятельский пулемет.

Отставшие подтянулись. Нужно было оставлять канаву и идти вперед, иначе контратака захлебнется.

Я уговорился с находившимися около меня командирами рот III батальона и несколькими командирами взводов моего батальона, и мы с криками «вперед, товарищи, ура!» вылезли из канавы и бросились вниз к кладбищу.

За нами сразу выскочили человек 10 красноармейцев, затем пошли и остальные, и все устремились вперед. Стрельба поляков усилилась, особенно из пулемета с кладбища, до которого было 100—200 шагов. С револьвером в одной руке, с гранатой в другой, я побежал к пулемету, месторасположение которого выдавали языки огня, хорошо видимые в сумерках.

Я уже намеревался бросить гранату и вдруг почувствовал тупую боль в ноге; не успел сделать еще шага, как меня ранило вторично.

Вражеский пулемет смолк... Поляки начали отступать... Бойцы, задыхаясь от быстрого бега, с криками пронесли мимо меня вслед за отступавшими поляками и вскоре заняли Изяславль.

Как выяснилось после, пулеметчик с кладбища не ушел: его застрелил в упор один командир взвода.

Я совершенно обессиленный прошел 8—10 шагов и больше не мог. Двое стрелков дотащили меня до повозки, на которой я и доехал до санитарной летучки, где мне сделали первую перевязку. Рана на левой ноге не опасна, сквозная, в мясо, но на правой—пуля, очевидно рикошетная, разворотила весь мускул.

Утром 24 сентября, сдав дела и деньги т. Ростову, захватив кое-какие документы из штаба полка, я эвакуировался на станцию Полонное, откуда надеялся попасть в санитарную летучку, приходящую из Бердичева.

На наше счастье в Полонном стояло несколько теплушек, и мы уже ночью тронулись дальше.

В Бердичеве не оказалось никаких санитарных учреждений, все они эвакуировались (хотя до фронта было более 100 верст); остался гражданский изоляционно-пропускной пункт, сестра которого и сделала раненым перевязку.

Все мы чертовски проголодались, так как в течение полутора суток ни у кого не было ни крошки во рту. Санитар, посланный к коменданту за продуктами, вернулся ни с чем. Тогда я попросил его позвать коменданта.

Спустя некоторое время санитар сообщил, что комендант отказался явиться к нам. Голодный, озлобленный я схватил винтовку санитаря и выпустил вверх целую обой-

му. Из комендатуры прибежал кто-то, и мы взяли его в работу.

Через полчаса нам принесли хлеб, сахар и горячий чай...

В Казатине в эвакопункте раненым вновь сделали перевязку и только здесь нас переместили в санитарный поезд. Он должен был выйти из Казатина вечером, но ему пришлось задержаться, так как не были получены продукты. Вместо нашего поезда отправили рабочий поезд, который на 18-й версте от Казатина потерпел страшное крушение...

В этих краях оперируют многочисленные банды, одна из которых и разобрала путь. На следующее утро в наш санпоезд перенесли десятки изувеченных, ни в чем неповинных людей.

А что, если бы такая катастрофа случилась с нашим поездом, в котором находилось 300 больных и раненых!

Так или иначе мы без особых приключений добрались до Киева, откуда нас отправили в Курск. Ехал в вагоне, для тяжело раненых, с удобными висячими койками.

Комиссар поезда требовал от нас сдачи оружия, но мы наотрез отказались, заявив, что сдадим его лишь в госпитале (обыкновенно санпоезда, сдавая раненых, не сдавали их оружия, почему раненые и отказывались от сдачи его).

3 октября нас привезли в Курск, в 80-й эвакуационный госпиталь. В нем холодно и неуютно, кормят плохо; уход неважный.

5 октября. 80-й эвакуационный сводный госпиталь, г. Курск. Сегодня на перевязке врач заявил, что меня эвакуируют в Москву. Значит есть надежда повидаться со своими.

Рана на левой ноге почти зажила, но на правой—еще сильно болит.

6 октября. Санитарный поезд. Еду в Москву. Лежу в вагоне для тяжело раненых. Уход, обстановка и пища лучше, чем в Курске; госпитальный врач на мой вопрос, долго ли мне придется лечиться, ответил, что по крайней мере два месяца...

Ну что же, будем лечиться.

50 коп. 41053

